

ЕВРОПЕЙСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Дмитрий Травин

У истоков модернизации:
Россия на европейском
фоне

Препринт М-19/10

**Центр исследований
модернизации**

Санкт-Петербург
2010

УДК 327(470)
ББК 66.4(2Рос)
Т 65

Травин Д. Я.

Т 65 У истоков модернизации : Россия на европейском фоне / Дмитрий Травин : Препринт М-19/10. — СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2010. — 48 с. — (Серия препринтов; М-19/10; Центр исследований модернизации).

В тексте научного доклада дается сравнительный анализ России и Европы на ранней стадии модернизационного развития. Исследуется зависимость экономики от разорения, связанного с набегами. Показывается, что по объективным причинам нашей стране пришлось столкнуться со значительно большими трудностями, чем ведущим европейским государствам, и это в дальнейшем серьезно повлияло на ход модернизации.

Представленный доклад является начальной стадией исследования российской модернизации на европейском фоне. Выводы, вытекающие из данного текста, будут развиты в следующих докладах автора для семинаров М-центра.

Информация об авторе: Травин Дмитрий Яковлевич — кандидат экономических наук, научный руководитель Центра исследований модернизации (ЕУСПб); dtravin61@mail.ru.

Пытаясь дать «бытовой» ответ на вопрос о причинах модернизации, многие исследователи склоняются к одной из двух крайностей. Они либо вообще игнорируют данную проблему, считая ее слишком сложной и выходящей за пределы конкретных исторических, экономических или социологических исследований, либо обнаруживают какую-то одну причину, объясняющую все сразу и позволяющую обходиться вообще без «конкретики».

Можно составить, наверное, длинный список кандидатов на право быть этой самой «одной причиной». Например, в прошлом весьма популярным объяснением успехов экономического развития того или иного региона была ссылка на его высокую обеспеченность ресурсами. Сегодня некоторые аналитики метнулись в иную крайность, стремясь с помощью выражения «ресурсное проклятие» объяснить неудачи определенных стран в процессе модернизации.

А вот другой пример. При анализе данного вопроса многими исследователями традиционно было принято подчеркивать значение перехода от феодализма к капитализму, поскольку этот переход сломал систему неэкономических ограничений и дал простор свободе конкуренции. Однако, столкнувшись с тем, что данное объяснение в общем-то ничего толком не объясняет (ведь вопрос о том, есть ли объективные причины возникновения капитализма, все равно остается), любители простых ответов предложили возвести на пьедестал феодализм как общество, где в отличие от восточных деспотий существует механизм отстаивания сословных свобод, а значит, и имманентный механизм развития.

Можно объяснять модернизацию существованием неких объективных законов развития (в прошлом это называлось божественным планом). Подобные концепции предполагают, что природе свойственен прогресс, пря-

молинейное движение от худшего к лучшему, а значит, любое общество обречено перейти от традиции к современности. Однако уже после лиссабонского землетрясения 1755 г. многие мыслители стали сомневаться в том, что все устроено к лучшему в этом лучшем из миров. А после Гулага и Освенцима такие сомнения стали доминировать и общество ударилось в иную крайность.

Проще всего стало объяснять модернизацию осуществлением успешных реформ. Но если задаться вопросом, почему в одних случаях они успешны, а в других нет, то возникает соблазн сказать, что дело не в отдельных реформах, а в становлении целой системы институтов, способствующих развитию. Одним обществам, мол, испокон веков присуща система защиты прав собственности, тогда как в других царит откровенный беспредел.

Тот, кто размышляет о причинах институциональных отличий, в свою очередь, предлагает некоторые объяснения. Когда-то давно можно было просто поделить народы на успешные и неуспешные, исторические и неисторические, талантливые и бесталанные. Сегодня такого рода объяснение в приличном обществе неприемлемо, поскольку вступает в противоречие с политкорректностью. Но всегда есть возможность сослаться на культуру. Культура одного народа способствует модернизации, тогда как культура другого, скажем, служит источником высокой духовности. И выходит, что нет народов талантливых и бестальных. Просто у каждого имеется свое предназначение.

Оставим, впрочем, это перечисление «единственных причин». Нам представляется, что подобный подход сильно упрощает проблему поиска истоков модернизации. В своем движении к современности человечество прошло чрезвычайно сложный путь, на котором некий вызов, если воспользоваться терминологией выдающегося английского историка Арнольда Тойнби [Тойнби (1991), с. 106–142], рождал ответ, а тот, в свою очередь, предстал новым вызовом. И некий качественный перелом, произошедший в тот или иной момент, становился не причиной модернизации, а причиной смены курса дальнейшего развития, которое вело к очередному перелому и к очередной смене курса.

Иными словами, методология исследования модернизации — это не кавалерийский наскок на проблемы ресурсной обеспеченности, институтов или культурного своеобразия определенных народов. Это медленное, постепенное продвижение от вызова к вызову через столетия едва заметных перемен. Оно напоминает движение поисковой группы по сложному подземному лабиринту, в котором требуется отыскать заблудившегося человека. Спасатели идут от развилки к развилке, прослеживая по некоторым едва заметным признакам путь этого бедолаги и оставляя в стороне те тоннели, в которые он не заглядывал.

Таким образом, для того чтобы понять, как начиналось у европейцев движение в направлении модернизации, нам следует уйти в довольно давние времена. В те времена, когда не существовало никаких условий для нормального экономического развития. Историческая наука называет столь давнюю эпоху Темными веками. Применительно к интересующему нас вопросу «тьма» выражалась в многочисленных набегах «варваров» на европейские земли, пытавшиеся худо-бедно перейти к мирной созидательной жизни.

Очагами такой созидательной жизни являлись города, сохранившиеся после гибели Западной Римской империи или понемногу возникавшие в местах интенсивной торговли. Однако набег кочевника абсолютно несовместим с развитием городской культуры, с формированием ремесла, с накоплением первоначального капитала и с торговлей, связывающей между собой отдельные центры цивилизации, окруженные густыми лесами, дикими землями и суровыми морями. Набег представляет собой явление более деструктивное, нежели «стандартная» межгосударственная война, характерная для Средних веков и Нового времени.

Столкновение различных государств может повлечь катастрофические разрушения, массовую гибель людей, приостановку развития экономики и множество иных печальных последствий. Однако целью такой войны не являются ни безудержный грабёж, ни всеобщее разрушение. Победитель стремится захватить чужие земли, ограничить политическую власть соседа, поставить его в зависимость от себя, получить контрибуцию и т. д. Поэтому он заинтересован в разумном ограничении насилия со стороны своих воинов, а следовательно, смерти и разрушения во время войны между государствами имеют определенный предел.

Напротив, разрушения, приносимые кочевниками, предела не имеют. Разрушитель стремится захватить как можно больше добычи, а затем перебраться на новое, еще не разоренное набегами место. Для предотвращения разрушений государства, страдающие от кочевников, могут прибегнуть к выплате дани, что часто становится неподъемной ношей для их развивающихся экономик. Однако даже дань не может гарантировать сохранность городов и развитие торговли. Время от времени очередные набеги вновь приводят к катастрофическим разрушениям. Никакого развития не происходит. Жизнь стоит на месте. Максимум, чего удастся добиться, — сохранить от грабежей и погромов какое-то имущество.

На протяжении нескольких веков Европа страдала от разрушительных набегов. Со временем кочевники оседали на захваченных землях, проникались идеями цивилизации, переходили к иному образу жизни, меняли седла на дворцы, а непрерывную скачку на прелести спокойного существования. Но тут их захлестывала очередная волна набегов, и все начиналось сначала.

Мы не будем подробно вдаваться в эту трагическую историю¹. Остановимся кратко лишь на ее завершающей части.

В кольце врагов

В период, предшествовавший началу второго тысячелетия (VIII–X вв.) различные регионы Европы страдали от набегов, осуществлявшихся по трем направлениям: с севера, из Скандинавии, надвигались норманны (викинги); с юга, из Африки, европейцам угрожали арабы (сарацины); с востока, из диких степей, слабую, неустойчивую цивилизацию атаковали венгры (мадьяры).

«Завидев корабли под полосатыми или красными парусами с головами драконов и зверей на высоко вздымавшихся форштевнях, жители приморских районов Англии и Ирландии, Франции и Германии бросали дома и поля и спешили укрыться в лесах вместе со своим домашним скарбом и скотом, — так ярко описывает многочисленные нападения викингов известный российский историк Арон Гуревич. — Замешкавшиеся погибали под ударами боевых топоров пришельцев или становились их пленниками. Вместе с награбленным имуществом их грузили на корабли и увозили на север. Все, что пираты не могли захватить с собой, уничтожалось: скот убивали, дома сжигали» [Гуревич (2007), с. 82].

Суровый климат северных стран, где издавна проживали норманны, вынуждал их искать альтернативные сельскому хозяйству способы прокормления. Разбой и пиратство, иногда сочетавшиеся с торговлей, а впоследствии эмиграция в страны, где «с каждого стебля капает масло», стали естественным механизмом выживания [Гуревич (2007), с. 100–101]. Горячие северные парни с колоритными именами, такими как Харальд Боевой Зуб, Бьёрн Железный Бок, Рагнар Кожаные Штаны, Эйрик Кровавая Секира, Сигурд Свинья, Эйнар Брюхотряс, Свейн Вилобородый, Харальд Серая Шкура, Магнус Голоногий, Сигтрюгг Шелковая Борода и т. п. [Джонс (2007), с. 39, 212, 241, 364, 373, 398, 400, 417, 422] прошли огонь и мечом по значительной части Европы.

Еще в самом конце VIII столетия норманны атаковали Англию с севера, разграбив ряд монастырей. Но это была лишь прелюдия к тому колоссальному «концерту», который они устроили примерно пол столетия спустя. «История викингских походов после 834–835 гг. оставляет устойчивое впечатление, что с этого момента они превращаются в своего рода “организованное мероприятие”», — отмечает исследователь Гвин Джонс [Джонс (2007), с. 204].

¹ Подробный рассказ о первоначальном этапе набегов на Европу см., напр., в книге А. Корсунского и Р. Гюнтера [Корсунский, Гюнтер (1984)].

Большой набег на Кент в 835 г. положил начало трем десятилетиям, когда нападения происходили почти ежегодно. Все увенчалось полномасштабным завоевательным походом. В 865 г. датчане высадились в Восточной Англии. Война с ними долгое время шла с переменным успехом, от чего неизбежно страдала слабая экономика острова. Наконец, в 893 г. большое датское войско высадилось в устье Темзы и грабило Англию на протяжении следующих трех лет.

Очередной этап осуществления погромов настал к концу X столетия. Датчане собрали чрезвычайно сильную армию, которая раз за разом наносила поражения плохо организованному эссекскому ополчению. В итоге англичанам приходилось постоянно откупаться от агрессоров [Морган (2008), с. 84–101]. Так, например, в 991 г. датчане получили огромную сумму — 22 тыс. фунтов золота и серебра. В 1002 г. англичанам пришлось потратить на выкуп 24 тыс. фунтов серебра, в 1007 г. — 36 тыс., а в 1012 г. — 48 тыс. Затем размер «датских денег» дошел до 80 тыс. фунтов, постепенно превратившись в ежегодный налог. Можно представить себе трудности, которые приходилось претерпевать хозяйству, обложенному столь высокой данью [Гуревич (2007), с. 149–151].

Примерно то же происходило в Ирландии. Хронист говорит, что «невозможно передать всех страданий, которые вынес ирландский народ, мужчины и женщины, миряне и священники, малые и старые, от этих воинственных и диких язычников» [цит. по: Гуревич (2007), с. 126].

Тем временем норманны уже активно хозяйничали на континенте. В 40-х гг. IX в. викинги дошли до Пиренейского полуострова, две недели грабили Лиссабон, а после атаковали Севилью [Джонс (2007), с. 210]. В 860 г. они напали даже на Пизу, находящуюся в Италии. А для того чтобы захватить маленький приморский городок, принятый ими по неосведомленности за Рим, норманны пошли на интригующий ход, сравнимый со знаменитым троянским конем, придуманным Одиссеем ради проникновения в Трою. Норманны направили послов с известием о внезапной смерти своего вождя и с просьбой совершить над ним погребальную службу по христианскому обряду. С разрешения епископа гроб с телом был внесен сподвижниками в город. Однако, вместо того чтобы отправиться в мир иной, «покойник» вдруг вскочил и убил епископа, а свита набросилась на горожан и на их имущество. Когда стало ясно, что сей населенный пункт отнюдь не Рим, норманны решили сжечь город [Гуревич (2007), с. 137; Джонс (2007), с. 215].

Переправившись через Гибралтар, норманны слегка пограбили Северную Африку, увезя с собой «в качестве сувениров» синих людей (*blámenn*) — по всей видимости, негров [Джонс (2007), с. 214]. Но главным объектом их деятельности, естественно, оставалась богатая Европа.

Как отмечает немецкий исследователь Й. Флекенштейн, норманны «снова и снова появлялись на ее северном и западном побережьях, поднимаясь на своих быстроходных маленьких судах вверх по речным руслам, проникая в глубь страны и грабя прежде всего монастыри и города на пространстве от Гаронны до Эльбы. Под их натиском пали и прекратили свое существование такие известные торговые центры, как Дорестада и Квентовик. Нант и Руан, Гамбург и Париж, Орлеан и Утрехт, а также многие другие города и монастыри тяжело страдали от этих нападений. С момента высадки сильного норманнского войска во Фландрии в 878 году набеги принимали все более опасные формы... В 881–882 годах разграбили, например, Кёльн, Бонн и Ахен². В 885–886 годах они (норманны. — *Д.Т.*) вновь угрожали Парижу до тех пор, пока Карл III в конце 886 года не выплатил за их уход большую сумму, предоставив им сверх того еще и зимний постой в Бургундии... Для Западной же Франкии норманнская угроза продолжала существовать до тех пор, пока Карл Простоватый (король Западной Франкии. — *Д.Т.*), заключая в 911 году мир в Сен-Клер-сюр-Эпте, не передал норманнскому вождю Роллону (иначе говоря, Рольфу или Хрольву. — *Д.Т.*) земли в низовьях Сены, названные по имени их новых владельцев *Нормандией*» [Флекенштейн и др. (2008), с. 13–14].

Роллон, превратившийся из кочующего бандита в оседлого, дал мир сельским жителям и стал заботиться о процветании своих владений [Джонс (2007), 231]. Тем не менее даже постепенный переход к оседлости полностью не остановил дерзких и жестоких норманнских атак.

В конце X в., когда формирующееся германское государство на время ослабло из-за малолетства Оттона III, северное побережье подверглось очередной волне набегов, которым долгое время не удавалось дать понастоящему эффективный отпор [Флекенштейн и др. (2008), с. 114]. Нормандия же в XI в. стала базой для вторжения в Англию, осуществленного Вильгельмом Завоевателем. Хотя характер этой новой войны оказался совершенно иным, нежели характер набегов прошлых столетий (поскольку целью Вильгельма было покорение государства, а не примитивный грабеж), жестокость норманнов в значительной мере сохранилась. Так, в частности, в 1069–1070 гг. полному разорению с их стороны подверглись Йоркшир и некоторые другие земли [Дуглас (2003), с. 111].

Если от норманнов страдали преимущественно английские, германские и северофранцузские земли, то от сарацин — итальянские и южнофранцузские. В начале IX в. они захватывают крупнейшие острова Средиземного моря: Сицилию, Сардинию, Корсику, Крит. Проникнув в это

² В Ахене норманны сожгли даже гробницу Карла Великого — этот своеобразный символ мощи европейцев [Ле Гофф (1992), с. 47].

своеобразное «подбрюшье» Европы и как следует обосновавшись там, сарацины получили возможность атаковать континентальную территорию. В качестве исходной точки для набегов они избрали Сицилию. В 841 г. арабы завоевали город Бари, расположенный на западном побережье Адриатического моря. Двинувшись дальше по Адриатике, захватчики разграбили Анкону — город, находившийся в чрезвычайно выгодном положении для ведения торговли с Левантом. В 846 г. сильному удару подверглись Рим и Ватикан, где пострадала, в частности, гробница Св. Петра. Венецианцев от нашествия арабов спасло лишь то, что их город находился значительно севернее, да к тому же на острове, недоступном для атак сухопутных кочевников.

В дальнейшем арабской агрессии на протяжении столетия подвергались даже такие относительно удаленные от Сицилии регионы, как северная Италия и Прованс, который стал своеобразным плацдармом для последующих набегов на савойские Альпы. Сарацинам в тот момент удавалось блокировать даже альпийский перевал Сен-Бернар, которому в будущем довелось стать важнейшей точкой, обеспечивающей торговые связи Италии с государствами Центральной и Западной Европы [Флекенштейн и др. (2008), с. 14; Рапп (2008), с. 23–24; Ле Гофф (2007), с. 42; Норвич (2009), с. 60, Грегориус (2008), с. 379, 410–413].

К этому следует добавить, что главные завоевания сарацин были осуществлены в Испании. С первой половины VIII столетия ими контролировалась большая часть Пиренейского полуострова. Христиане оказались вытеснены на самый север региона, откуда впоследствии и началась реконкиста.

В 732 г. мусульманские войска преодолели Пиренеи и дошли до Пуатье. Лишь там они были остановлены Карлом Мартеллом. «Контратака», предпринятая христианами во второй половине столетия, не вполне удалась. Карл Великий во главе воинства франков дошел до Сарагосы и попытался ее взять, однако потерпел сокрушительное поражение. В дальнейшем борьба двух сторон шла с переменным успехом, но под конец X столетия визирь Кордовы аль-Мансур перешел в решительное наступление. Последствия его действий для северной Испании были сопоставимы с тем, что делали норманны в иных частях Европы.

В 978 г. была жестоко разорена Памплона. В 985 г. аль-Мансур сжег Барселону — город, который благодаря своему местоположению мог бы играть значительную роль в средиземноморской торговле. На следующий год арабский вихрь пронесся по Саламанке. Затем та же участь постигла Коимбру. В 988 г. оказались захвачены и подвергнуты страшным разрушениям Леон, Самора и Саагун. В 995 г. арабы вновь проходятся по Леону и еще двум христианским городам. А затем в очередной раз берутся за Памплону [Рюкуа (2006), с. 25–29].

Конечно, надо принять во внимание, что арабы в Испании не были кочевниками. Они создали там высокую культуру, в том числе — экономическую. К тому же они сами подвергались нападением кочующих в поисках поживы агрессоров. Так, например, в IX столетии Пиренейский полуостров с моря атаковали норманны [Гуревич (2007), с. 136]. А в 1010 г. Кордова была разорена берберами, которым, естественно, помогли кастильские христиане, готовые использовать любые средства для борьбы со своим врагом [Рюкуа (2006), с. 29]. Словом, Пиренеи оставались источником военной напряженности вплоть до конца XV столетия, когда Гранада — последнее арабское государство на полуострове — было подчинено христианскими монархами Фердинандом и Изабеллой.

Главная причина, по которой высокая культура оседлых арабов не могла стать основой экономического развития Европы, была связана с религиозными барьерами, разделявшими мусульман и христиан. Арабское нашествие нарушило установившееся со времен Римской империи культурное единство средиземноморского региона. Несмотря на то что «добрые ссоры» со временем сменились «худым миром» и, соответственно, сохранялись формальные возможности для хозяйственного сотрудничества, ни та, ни другая сторона не стремилась к взаимопониманию. Естественно, «холодная война», временами перераставшая в «горячую», существенным образом тормозила торговлю [Кёнигсбергер (2001), с. 143–144].

Если арабы сформировали очаги высокой культуры в южной Европе, то венгры отличались, прежде всего, разрушительными набегами. С грозным боевым кличем «**hui-hui!!!**», **который мы не будем переводить на русский**, они обрушивались на несчастного противника. Их воинственность и жестокость порождали страх и разного рода легенды. Подозревали, например, будто мадьяры пьют кровь своих беспомощных жертв [Контамин (2001), с. 43].

«От стрел венгерских спаси нас, Боже!» — так молились, по преданиям, охваченные ужасом жители Западной Европы. «Мадьярская конница во время набегов жгла и грабила города и села соседей, подчас глубоко вторгаясь на их территорию, доходя до Кастилии и Омейядского халифата в Испании, до Бургундии во Франции и до Апулии (Салентина) в Южной Италии, хотя обычно зона их военных действий ограничивалась землями Германии, Северной Италии и Византии» [Контлер (2002), с. 49, 56]. Пользуясь широко распространенным среди тюркских кочевых народов приемом, венгры регулярно грабили одну и ту же территорию, пока ее правители не начинали выплачивать им дань.

За период с 899 по 955 г. венгры осуществили в общей сложности 33 набега на Европу [Контамин (2001), с. 43]. В самом конце IX столетия они опустошили Ломбардию, нанеся страшный ущерб многим городам север-

ной Италии. Венецианцев спасло лишь островное положение их города — на воде венгры не способны были добиваться успехов. Зато на суше они успехов действительно добились. Сначала под их натиском пала Моравская держава (906 г.), а затем начались постоянные вторжения в восточные и южные германские земли (907–917 гг.). После себя они оставляли руины и пожарища. В 924 г. венгры дошли даже до северной Италии и сожгли Павию — древнюю столицу государства лангобардов, которая тогда по красоте, согласно некоторым оценкам современников, превосходила даже Рим. Первое по-настоящему тяжелое поражение от германского короля Оттона I венгры понесли лишь в 955 г. После этого они были вынуждены прекратить свои грабежи, а позднее перейти к оседлости [Норвич (2009), с. 65–66; Флекенштейн и др. (2008), с. 14, 20, 74–75; Грегоровиус (2008), с. 441].

Помимо противостояния трем крупным направлениям набегов (норманны, арабы и венгры) в отдельных европейских регионах оседлым народам приходилось отражать еще и удары местных пиратов, которые в определенном смысле оказывались не менее опасны.

Так, например, для нарождающейся экономики Венеции серьезным препятствием во второй половине X века были славянские пираты, располагавшиеся в Далмации, т. е. на противоположном от Италии берегу Адриатического моря. Венецианцы вынуждены были платить ежегодную дань за право прохода своих кораблей вдоль далматинских берегов. Пользуясь тем, что Адриатика представляет собой сравнительно узкий водный массив, пираты фактически отсекали торгующих с Левантом купцов от цели их путешествий [Норвич (2009) с. 82–83].

В 1000 г. венецианцам удалось нанести удар по славянским пиратам и более-менее обеспечить безопасность своей торговли. Пиратство не исчезло полностью, однако стало менее разрушительным [Оке (2006), с. 73].

Похожая ситуация на севере Европы произошла с фризами. Они беспокоили своими грабительскими набегами территории, находящиеся вдоль побережья Северного моря. Лишь в 1005 г. германский король Генрих II сумел покорить Фрисландию и обеспечить безопасность [Флекенштейн и др. (2008), с. 156].

Эпоха варварских набегов наносила серьезный ущерб не только городам, которые самым непосредственным образом подвергались разрушениям, но и сельскому хозяйству. Например, норманны во время своих набегов умудрялись истреблять как людей с их поселениями, так и зерно на полях, что впоследствии обрекало на голод и вероятную смерть тех, кто выжил в ходе самого нашествия [Дуглас (2003), с. 108]. Поэтому далеко не всякую землю имело смысл обрабатывать.

Крестьяне, неуверенные в собственной безопасности, вынужденно теснились вокруг феодальных замков, где могли получить хоть какую-то защи-

ту. Вследствие этого ценность земли довольно сильно различалась, причем отнюдь не в зависимости от плодородия, а, скорее, в зависимости от местоположения по отношению к точкам, из которых обеспечивалась их охрана. Незащищенные территории в целом ряде случаев вообще не обрабатывались. По некоторым данным в IX веке больше половины земель во Франции, а также четыре пятых в Италии и Англии просто пустовало [Гайдар (2005), с. 224].

Разрушительные последствия набегов, со всех сторон обрушившихся на Европу, тормозили экономическое развитие. Однако постепенно ситуация тем или иным образом начинала стабилизироваться. Как отмечалось выше, в определенных случаях агрессоры получали жесткий отпор. В других — европейские монархи шли с ними на компромиссы, предоставляя территорию для оседлого проживания. В итоге кочевники меняли свой образ жизни, начинали создавать собственные государства и прекращали осуществлять массовые набеги. «Хищники превращались в правителей и очень быстро начинали осознавать преимущества сбора налогов в сравнении с грабежом» [Мак-Нил (2008), с. 37]. Переломным моментом в отношениях «старых» европейских народов с недавними пришельцами стала, по всей видимости, вторая половина X в.

Конечно, и после этого проблемы не были до конца разрешены. В частности, оседлые норманны, вытеснившие арабов с Сицилии и постепенно установившие контроль над всей южной Италией, продолжали свои пиратские набеги. Даже в середине XII в. венецианские суда страшно страдали от набегов сицилийцев [Норвич (2009), с. 133]. А в тех случаях, когда норманны сражались на суше, они по-прежнему проявляли чудеса жестокости и осуществляли масштабные разрушения. Так, например, в 1084 г. Роберт Гвискар совершенно разорил Рим, изгоняя оттуда императора Генриха IV. Все летописцы, описывавшие это событие, согласны в том, что пожаром была уничтожена значительная часть города. Немалую роль в сожжении и погромах сыграли сицилийские сарацины, которые являлись важнейшей составной частью норманнского войска. В итоге многие выдающиеся граждане Рима были отправлены в рабство в Калабрию [Грегоровиус (2008), с. 624–628, Дуглас (2003), с. 97–98]. Стоит ли удивляться тому, что «вечный город» никак не мог подняться, страдая то от арабских разорений, то от норманнских погромов?

Даже в 1125 г. монастырский историк Вильгельм Мальмсберийский писал о норманнах Италии: «Этот народ приучен к войне и почти не знает, как без нее жить» [Кёнигсбергер (2001), с. 166].

Но все же, несмотря на сложившиеся военные традиции, надо признать, что масштаб угрозы, нависавшей над европейскими землями в VIII–X столетиях, стал в XI–XII вв. несоизмеримо меньше. Результат не замедлил ска-

заться. Трудно, конечно, определять в наши дни, как конкретно развивалось хозяйство тысячу лет назад, однако по оценке крупнейшего французского медиевиста Жака Ле Гоффа между 950 и 1050 гг. на всем пространстве христианского мира произошло ускорение экономического роста [Ле Гофф (2007), с. 71]. Примерно такие же оценки в своих работах по экономической истории дают А. Мэддисон и Е. Гайдар [Гайдар (2005), с. 20].

Некоторые исследователи пытаются даже осуществить количественные измерения экономического развития. Их конкретные оценки сильно расходятся между собой, но в целом (а именно это для нас сейчас важно) они в основном отмечают наличие позитивных изменений в указанный период. Например, В. Мельянцев полагает, что с конца XI по конец XIII в. общая площадь обрабатываемых земель в Англии, Франции и Германии увеличилась примерно на 35–55%, а объем условно-чистой продукции сельского хозяйства в 1000–1300 гг. — на 180–260%. Относительно развития городской экономики Мельянцев приводит расчеты П. Бэррока, согласно которым промышленное производство возросло в XI–XIII столетиях не менее чем на 110–280% [Мельянцев (1996), с. 83–84].

Выводы о наступлении экономического перелома следуют и из анализа ситуации в отдельных регионах Европы. Например, известный бельгийский историк Анри Пиренн отмечал, что вследствие стечения ряда обстоятельств «с X по XI век завязались очень оживленные сношения между берегами Северного моря. Фламандские, валлонские, германские, фрисладские, англосаксонские купцы встречались в Брюгге [...] В течение второй половины XI века судоходство Фландрии сделало поразительные успехи» [Пиренн (2001), с. 144, 146].

К аналогичному выводу можно прийти и в отношении развития венецианского судоходства в средиземноморском бассейне. С 992 г. Венеция начинает вытеснять византийский флот в Адриатике. Чуть позже она устанавливает контроль над далматинским побережьем. А к концу XI столетия твердо закрепляется в Константинополе и начинает вести торговлю в целом ряде портов и населенных пунктов восточной империи [Бек (2002), с. 22–26].

Однако развитие выразилось не только в укреплении позиций крупнейших хозяйственных центров. В XII веке началась интенсивная урбанизация, которая столетием позже обернулась невероятно быстрым взлетом числа вновь основываемых городов. Согласно оценкам выдающегося французского историка Фернана Броделя, рассчитанная по данному показателю интенсивность урбанизации за период с 1250 по 1300 гг. была в Центральной Европе выше, чем в любой другой период истории вплоть до второй половины XX столетия [Бродель (1992), с. 89].

Скорее всего, важнейшей причиной ускорения экономического роста в Европе стало прекращение набегов и переход к относительно мирному

развитию. Современные экономисты, по всей видимости, назвали бы этот рост восстановительным. Европа стала залечивать нанесенные ей раны. Зажили спокойной жизнью уцелевшие после набегов города, сформировались многочисленные ремесла, начали строиться соборы и монастыри. На безопасных территориях, которых становилось все больше и больше, стали возникать новые хозяйственные центры, а купцы получили возможность, не подвергаясь нападениям грабителей, доставлять товары из одних регионов в другие.

В определенном смысле можно сказать, что продолжительные набеги IX–X столетий способствовали будущему развитию европейских городов [Кардини (1987), с. 316]. Дабы спастись от разорения, горожане в трудные времена стали сооружать серьезные укрепления вокруг своих поселений. А когда города оказались окружены крепостными стенами и укрылись в тени мощных зубчатых башен, под их защиту из окружающей местности стали стекаться люди. «Сельские помещики при приближении опасности всегда спешили в город, — отмечал российский исследователь А.К. Дживелегов. — А так как опасность была хроническая, то помещики стали заводить себе в городе дома, а нередко и совсем переносили туда свою резиденцию. Таков источник разнородности социального состава в итальянских и южно-французских городах, в которых знать рано сделалась существенным элементом городского населения» [Дживелегов (2002), с. 34–35].

Богатые люди строили дома в городах, заказывали себе для них предметы роскоши, постоянно предъявляли спрос на продукты питания. Растущее потребление товаров способствовало развитию ремесла и торговли, требовало увеличения числа работников. В итоге прирастали и размеры трудового населения. Бургерская цивилизация набирала силы. Именно на этой базе — прекращение набегов, восстановление порядка, развитие городов — происходили в дальнейшем взаимосвязанные хозяйственные, политические и военные изменения, обеспечившие Европе стабильный экономический рост [Норт (2010), с. 186].

Отмстить «неразумным» хазарам

А что же тем временем происходило на Руси? В какой мере русский исторический путь отличался от того пути, которым прошли другие европейские страны?

Проблема постоянных разорительных набегов остро стояла и у нас. В частности, норманны (варяги) двигались со своими разбойничьими целями не только на Запад, но и на Восток. Северная часть нынешних русских земель, населенная славянскими и финскими племенами, постоянно подвергалась набегам и облагалась данью. На юге же существовала иная

угроза, неизвестная западной части Европы, — хазары. «Брали дань Варяги из-за моря на Чуди, Славянах Новгородских, Мери, Веси и на Кривичах, а Козары брали на Полянах, Северянах, Радимичах и Вятичах, брали по горностаю и белке от дыма» [Соловьев (кн.1), с. 120].

Постепенно варяги стали небольшими группами проникать и на юг. Не вполне ясно, почему хазары, имевшие уже к тому времени мощный военный аппарат, «пустили козла в свой огород». Ведь у варягов крупных военных поселений (сравнимых, например, с теми, что были в IX столетии в Англии) исследователи не фиксируют [Ловмянский (1985), с. 105]. Некоторые историки предполагают, что «хазары, теснимые печенегами, не возражали против прибытия группы русов (т. е. варягов. — *Д.Т.*) на Средний Днепр или даже добивались этого» [Франклин, Шепард (2000), с. 163]. Впрочем, детали этой истории для нас не так уж и важны³. Существеннее то, что постепенно норманны стали конкурировать с хазарами на своеобразном рынке «обложения данью подвластных племен».

Впоследствии норманны на Востоке осели также, как они это сделали в некоторых регионах Запада. Механизм формирования русского государства был, правда, существенно иным, нежели государства в Англии или в южной Италии. Если на Западе после предыдущей череды набегов уже существовали королевства, созданные различными германскими племенами, то на Востоке такой организованной системы власти еще не было. Поэтому норманны, двигавшиеся по западным путям завоеваний, постоянно вынуждены были преодолевать организованное сопротивление, тогда как «наши варяги» действовали в значительно более комфортных условиях. В конечном счете, именно с их помощью началось на славянских и финских землях государственное строительство.

³ Своеобразный поэтический ответ на данный вопрос дает Л.Н. Гумилев — сын двух великих русских поэтов. Согласно его видению истории на пространствах Евразии IX в. существовал мощный жидо-норманнский заговор. Евреи, управлявшие хазарским государством, договорились с варягами о проведении совместных акций, результатом чего стали разграбления французских городов, вторжение викингов в Англию и захват Киева Олегом [Гумилев (2009), с. 148–152, 162].

Богатство фантазии автора, бесспорно, привлекает внимание, особенно в части раздела Восточной Европы на манер пакта Молотова-Риббентропа. Однако конспирологическая трактовка событий далеких веков вызывает даже больше сомнений, чем конспирологические построения, сооружаемые рядом «мыслителей» в отношении истории недавнего прошлого. Трудно, в частности, представить себе технологию секретных переговоров по разделу территорий от Атлантики до Волги, ведущихся «еврейскими интриганам» в IX столетии при весьма несовершенных средствах коммуникации и при том, что норманны, атаковавшие в разное время разные части Европы, не имели единого руководящего центра.

Не будем вдаваться в детали дискуссии о призвании варягов, о том, покорили ли они славянские и финские племена силой оружия, либо оказались приняты ими добровольно. Ограничимся ссылкой на классика. Как отмечал В.О. Ключевский, «туземцы, собравшись с силами, прогнали пришельцев и для обороны от дальнейших нападений наняли партию других варягов, которых звали Русью. Укрепившись в обороняемой стране, нарубив себе “городов”, укрепленных стоянок, наемные сторожа повели себя завоевателями» [Ключевский (т. 1), с. 155]⁴.

Главная проблема сохранялась в любом случае — как при призвании, так и при завоевании. Набеги не прекращались. Территория формирующегося русского государства продолжала оставаться зоной непрерывных боевых действий, что тормозило развитие экономики и становление городской культуры.

Едва приняв власть над славянскими и финскими племенами, варяги вынуждены были давать отпор «конкурентам», желавшим кормиться с той же территории. В своем известном стихотворении А.С. Пушкин отмечал:

Как ныне собирается вещей Олег
Отмстить неразумным хазарам,
Их села и нивы за буйный набег
Обрек он мечам и пожарам» [Пушкин (1955), с. 153].

Действительно, два «конкурента», боровшихся за контроль над туземцами, действовали похожими методами. Мечи и пожары доставались то одной, то другой стороне конфликта. Мы «с подачи Пушкина» больше привыкли к тому, что набеги инициировали хазары, однако сами хазары были сильно озабочены энергичным движением варягов с севера на юг. Озабочены настолько, что хазарский царь Иосиф — современник нашего князя Игоря — писал своему корреспонденту по поводу норманнских набегов: «Если бы я оставил их [в покое] на один час, они уничтожили бы всю страну измаильтян до Багдада» [цит. по Пашуто (1968), с. 92].

Хотя до Багдада норманны не добрались, но в своих набегах они доходили до Византии, Закавказья, Волжской Болгарии [Соловьев (кн. 1), с. 134, 139, 144, 153]. Поэтому «неразумные хазары» поступали на самом деле весьма разумно, не оставляя норманнов в покое.

Неудивительно, что князь Олег тоже решил поступить разумно. Ближе к концу IX в. он стал формировать на южных границах своих земель систему укреплений — городов и острогов, — для того чтобы обезопасить себя от

⁴ Подробный разбор данного вопроса можно посмотреть, например, в книге польского историка Хенрика Ловмянского [Ловмянский (1985)].

неприятеля. Постепенно между укрепленными пунктами стали появляться земляные валы и лесные засеки. Олег заселял города людьми, способными отражать агрессию. Одновременно сам он покорял славянские племена, облагал их данью и убеждал платить именно ему, а не хазарам. «И радимичи стали платить русскому князю те же два шляга от рала, которые давали козарам» [Соловьев (кн. 1), с. 134]. Что же касается тех племен, которые раньше не платили дань, то подчинить их было сложнее. Но и они, в конечном счете, оказались покорены.

Ситуация эта с определенной поправкой на историческую специфику отдаленной эпохи сильно напоминает борьбу двух современных криминальных структур, желающих установить свою «крышу» над частным бизнесом. Как ни крути, а платить все равно приходится — не тем, так этим.

Восточная ситуация от западной отличалась, пожалуй, лишь тем, что на английских, немецких, французских, испанских и итальянских землях в IX в. «криминалу» приходилось иметь дело со сложившимися организованными структурами «силовики», которые предпочитали вообще не пускать частный рэкет на свою территорию. Европейские короли тех давних времен примерно также как наши современные органы милиции и госбезопасности считали, что имеют полное право кормиться с подвластного населения и не пускать чужих «козлов» в свой «огород». А в зарождающемся российском государстве чужаками поначалу были как варяги, так и хазары. Лишь в процессе «борьбы за крышевание» первые стали легитимными правителями и основателями великокняжеской династии, тогда как вторые не сумели перерасти свой сомнительный криминальный статус⁵.

Для экономического развития данное различие непринципиально. Гораздо важнее другое. В то время как к XI столетию в Западной и Центральной Европе проблема набегов в значительной степени уже оказалась разрешена, Русь — окраинная европейская территория — продолжала непрерывно сражаться с кочевниками. Одна волна набегов сменялась другой. Успокоение не приходило. Города — особенно расположенные поблизости от Великой Степи — все время находились под страхом разорения. В частности, сильный урон русским землям был нанесен, по-видимому, во время

⁵ «В IX веке скандинавские военные создали семейное охранное предприятие “Рюриковичи и Со”, которое занялось эксплуатацией ресурсов на территории от Волхова до Днепра. Используя насилие или навязывая в обмен защиту от кочевников, они собирали дань со славянских и финно-угорских племен и конвоировали ее по рекам к рынкам сбыта» [Волков (2009), с. 95]. Подобных взглядов придерживаются также А. Ахиезер, И. Клямкин и И. Яковенко [Ахиезер и др. (2005), с. 61–67]. Думается, данная трактовка давних событий гораздо лучше увязывает известные нам факты, нежели трактовка, предложенная Л.Н. Гумилевым.

похода, который возглавлял хазарский полководец Песах во времена князя Игоря [Артамонов (2002), с. 377–382].

Князь Святослав, в конечном счете, «разобрался» с хазарами, но погиб от рук печенегов, конфликт с которыми у росов был столь силен и широко известен, что о нем писал даже византийский император Константин Багрянородный [Константин Багрянородный (1991), с. 49–51]. Таким образом, в конце X — начале XI столетия Владимиру Святому пришлось сдерживать натиск новых кочевников, «которые раскинулись по обеим сторонам Днепра, восьмью ордами, делившимися каждая на пять колен [...] Если Владимир строил города по р. Стугне (правый приток Днепра), значит укрепленная южная степная граница Киевской земли шла по этой реке на расстоянии не более одного дня пути от Киева» [Ключевский (т. 1), с. 172]. Как мы видели ранее, столь же близкая опасность веком-двумя ранее угрожала и важнейшим городам Европы. Но к началу XI столетия она постепенно сходила на нет, сохраняясь преимущественно лишь на окраинах — в Испании, Англии, Южной Италии. На русской же земле источник набегов находился фактически возле самой столицы формирующегося государства.

«Печенеги подходили к какому-нибудь заранее намеченному городку, брали его, грабили окрестности и отступали с полоном в степь» [История Европы (т. 2), с. 465]. Князь Ярослав Мудрый нанес им серьезное поражение под Киевом в 1036 г. [Соловьев (кн. 1), с. 210], однако уже с 1061 г. начались непрерывные нападения на Русь нового противника — половцев.

Этот новый противник принес с собой и новый тип «набегового предпринимательства». Кочевники не только жестоко разоряли русские земли, унося с собой различные материальные ценности, но также активно торговали славянскими невольниками на черноморском рынке, постепенно формируемом генуэзскими купцами. Рабы представляли собой основной товар, который половцы могли предложить потребителю [Толочко (2003), с. 105]⁶.

Все следующее столетие проходит в борьбе с половцами. Для Западной и Центральной Европы — это уже время становления городской культуры и первого, несмелого подъема экономики. Но на восточном фронте, на границе степи и европейской цивилизации все остается без перемен. А, возможно, даже ухудшается, поскольку каждый новый противник оказывается все более и более серьезным. Как отмечал В.О. Ключевский, в XI в. Порожье (край, расположенный по реке Роси — западному притоку Днепра ниже Киева) было хорошо заселенной страной. Однако постоянные набег половцев сделали проживание там совершенно невыносимым. Так, например,

⁶ Л.Н. Гумилев полагает, что работорговля славянскими пленниками активно развивалась еще в VIII–IX вв. через Хазарию и совершалась еврейскими купцами, приобретавшими свой «товар» у венгров [Гумилев (2009), с. 113].

в 1095 г. жители Юрьева на Роси, построенного князем Ярославом несколькими десятилетиями раньше, подверглись очередному набегу. Страдальцы не выдержали угрозы и ушли в Киев. После чего опустелый город сожгли половцы [Ключевский (т. 1), с. 283].

Следует отметить, что от набегов страдали не только города, но и сельская местность. Особенно опасными были осенние действия половцев, когда они стремились захватить урожай. «Следствием таких набегов были не только непосредственные жертвы, но и полное разорение крестьянских хозяйств и последующий голод» [Каргалов (1967), с. 37].

Вопрос о защите земель от половцев стоял все более остро. Князьям требовались не только валы и засеки, но также эффективная военная организация. Требовалась система, при которой по призыву киевского властелина мелкие и крупные князья стекались бы под его стяги «конно, людно и оружно» для построения единого войска, способного защитить русскую землю.

Такого рода система постепенно начала строиться посредством раздачи князьям городков (волостей), в которых можно было бы собирать с населения дань, а, значит, кормить самих себя и свои дружины. В ответ на такое пожалование князья обязаны были киевскому властелину военной службой. Они «били челом» своему сюзерену, обещали «в его послушании ходить», «подле стремени его ездить» и за землю русскую страдать [подробнее см.: Фроянов (1980), с. 59–63].

Однако система военной организации работала эффективно, скорее, на словах, нежели на деле. Князья сплошь и рядом враждовали друг с другом, отказываясь выполнять взятые на себя обязательства⁷. В ряде случаев они сами привлекали половцев для участия в межкняжеских разборках, причем, судя по всему, возможность подвергнуть грабежу и разорению город противника оговаривалась в качестве условия, по которому кочевники соглашались помогать той или иной стороне конфликта [Толочко (2003), с. 110]⁸.

⁷ «А князья сами на себя крамолу ковали,
а поганые,

с победами нарыскивая на Русскую землю,
сами брали дань по белке от двора» [Слово о полку Игореве, с. 401].

⁸ Л.Н. Гумилев полагал, что половецкая угроза постепенно уменьшилась: «Вплоть до 1200 г. Русская земля была страной изобильной, культурной и не угрожаемой ниоткуда» [Гумилев (2009), с. 295]. Правда, уже на следующей странице своей книги автор отмечает, что «половцы, побежденные Владимиром Мономахом, предпочитали грабить Русскую землю не самостоятельно, а в союзах с враждующими князьями». Получается, что угроза лишь несколько трансформировалась.

В итоге русские князья в отличие от германских королей не могли справиться с кочевниками. А те, в свою очередь, не желали трансформировать привычный и чрезвычайно выгодный набеговый образ жизни в цивилизованный оседлый (как это сделали, скажем, арабы, венгры и норманны). Владимир Мономах заключил с половцами девятнадцать мирных соглашений, передавал им в большом количестве скот и платья — все напрасно. Даже когда князь «жертвовал собой» и женился на ханской дочери ради спасения отечества, тесть по-прежнему продолжал грабить своего зятя [Ключевский (т. 1), с. 283–284].

С середины XII в. становятся заметны признаки запустения Руси. Регионы, которые недавно еще имели хорошую перспективу для экономического развития, теперь теряли свое население. Поля стояли заброшенными, в городах больше не было деловой активности, торговые пути становились объектом для постоянных атак кочевников. Половцы нападали на суда, идущие по Днепру из варяг в греки. Князья вынуждены были со своими многочисленными дружинами выступать на защиту купцов. Однако и это не помогало. Мстислав Изяславович жаловался, «что половцы отняли у Руси все торговые пути» [Соловьев (кн. 2), с. 44]⁹.

Впрочем, от набегов страдали не только князья и купцы, но также широкие слои населения, терявшие из-за грабежей с трудом нажитое добро. Косвенным признаком этого факта является то, что порой не князья, а простой народ становился инициатором сражений с половцами. Так было, например, в 1068–1069 гг. в Киеве, а также во время совместного похода трех князей в 1093 г., когда киевляне, не прислушавшись к мнению осторожных князей, заявили: «Хочем ся бити» [Фроянов, Дворниченко (1986) с. 282, 286]. «Инициатива трудящихся» привела тогда к трагическим последствиям: разбитые врагом ополченцы «побегоша» с поля боя. И неудивительно: ведь половцы представляли собой весьма серьезную силу.

При всей опасности набегов надо отметить, однако, что противник в различной степени угрожал различным территориям древней Руси. Особенно сильно страдали от нападений Черниговское и Переяславское княже-

⁹ Впрочем, запустение земель не всеми исследователями воспринимается как страшная беда. Один из ведущих идеологов евразийства Л.Н. Гумилев полагал, что «отнюдь не степняки представляли на рубеже XI–XII вв. основную опасность для Киевской Руси. В это время обозначило себя явление более грозное — падение нравов, отказ от традиционной русской этики и морали» [Гумилев (2004), с. 102]. В столкновении взглядов евразийцев со взглядами других исследователей отражается важнейшая проблема сегодняшней России. Противопоставление экономического развития моральной традиции делит людей на тех, кто стремится к модернизации страны, и тех, кто ищет идеал в далеком утраченном прошлом [о месте Л.Н. Гумилева в современном евразийстве см. Дугин (1999), с. 152–162].

ства. Святослав Ольгович черниговский говорил, что «у него города стоят пустые, живут в них только псари, да половцы» [Соловьев (кн. 2), с. 37]. Однако в удаленных от фронта местах ситуация оказывалась далеко не столь катастрофичной.

Если трудно было отстоять рубежи, находившиеся в непосредственном соприкосновении с кочевниками, имелась возможность мигрировать на север, в густые леса, непроходимые для половецкой конницы. Либо переселиться на запад — в глубь Галиции и Польши, подальше от опасной степной границы. Именно так и поступали многие обитатели древней Руси.

Однако даже миграция на север, в конечном счете, не спасла русскую землю от набегов. Отсидеться в густых лесах не удалось. В XIII в. появился новый грозный противник, который подорвал нормальный ход экономического развития общества более чем на два столетия.

Смирилось величие наше, погибла красота...

В самом конце 1237 г. началось татаро-монгольское нашествие. Кочевники двигались от одного города к другому, захватывали их, а затем подвергали разграблению и уничтожению. Начали с Рязани, затем сожгли Москву и в начале февраля 1238 г. подступили к Владимиру, который в то время был крупнейшим городом северной Руси. Владимир пал за четыре дня. После него погибли Ростов, Ярославль, Тверь... За один лишь февраль 1238 г. татары подвергли разорению 14 городов на северо-востоке Руси, не считая многочисленных слобод и погостов [Соловьев (кн. 2) с. 137–138]. К счастью для Северо-западной Руси проникнуть в конце марта к Новгороду они не смогли. Судя по всему, кочевники опасались весеннего времени, когда разливаются реки, тают болота и путь по лишенным дорог лесам становится невозможен¹⁰.

Спасение Новгорода и Пскова во многом определило дальнейшее развитие экономики и городской культуры на северо-западе Руси. Эти крупные хозяйственные центры на протяжении длительного промежутка времени специализировались на торговле и имели прочные коммерческие связи по Балтике с немецкими ганзейскими городами. Однако вряд ли эти связи могли бы нормально развиваться в том случае, если бы татары сумели разорить Новгород и Псков.

В 1239 г. полчища хана Батгя вновь появились на Руси, однако в этот раз их набег затронул по большей части южные регионы. Погибли Переяславль Южный и Чернигов. На следующий год татары подошли к Киеву и

¹⁰ В науке, правда, высказывается также мнение, согласно которому татары вообще не стремились завоевывать Новгород [см. Кривошеев (2003), с. 159–160].

взяли его 6 декабря. После опустошения, которому его подвергли завоеватели, в городе осталось не больше 200 домишек, тогда как до татарского штурма там насчитывалось порядка 9 тысяч дворов [Хрусталева (2008), с. 182]. Разорение Киева — стольного града древней Руси — стало важнейшим признаком общего запустения.

Затем пали Галич, а также другие ведущие центры юга. Но и это был еще не конец многочисленных бедствий, постигших Русь в середине XIII в. Мощный восточный удар дополнился вдруг ударом со стороны запада. Литовцы на протяжении нескольких лет регулярно опустошали Приднепровье, воспользовавшись тем, что Русь была ослаблена татарскими набегами, в результате которых часть людей погибла, а другая оказалась уведена в плен [Соловьев (кн. 2), с. 139–140, 165].

Вот весьма красноречивая оценка современника, описывающего масштабы навалившегося на Русь бедствия. По словам владимирского епископа Серапиона (конец XIII в.) «[...] разрушены божественные церкви, осквернены священные сосуды, потоптаны святыни, святители преданы мечу, тела монашеские брошены птицам, кровь отцов и братьев наших, словно вода, обильно напоила землю. Исчезло мужество князей и воевод наших, храбрцы наши, исполненные страха, обратились в бегство. А сколько их уведено в плен! Сёла наши поросли лесом. Смирилось величие наше, погибла красота наша. Богатство, труд, земля — все достояние иноплемennых [...]» [цит. по: Греков, Якубовский (1998), с. 188–189].

Конечно, жизнь на русских землях от всего этого не прервалась. Современные историки более взвешенно, нежели красноречивый епископ Серапион, оценивают масштабы бедствия. Специалисты отмечают, что подавляющее большинство населения в то время жило в небольших деревнях, укрытых густыми лесами. Им татары, скорее всего, могли причинить ущерб, сопоставимый с последствиями обычных внутренних войн и усобиц, характерных как для восточной, так и для западной части Европы¹¹. Сожженные дома можно было построить заново, а пашне — основному богатству села — набег не был страшен, если только агрессоры специально не уничтожали зерно на полях¹². Однако по городской культуре был нанесен

¹¹ Однако следует отметить, что в отдельных случаях (в смоленском и угличском регионах) археологи фиксируют значительное сокращение числа сельских поселений как результат татарского нашествия [Каргалов (1967), с. 183].

¹² Оценка Н.Я. Эйдельмана, сравнившего потери от монгольского нашествия с возможными потерями от атомной войны, кажется нам сильным преувеличением [Эйдельман (1989), с. 31–32]. Трудно представить себе проникновение по лесам и болотам своеобразной «татарской радиации», не оставляющей на своем пути ничего живого.

действительно страшный удар. И, следовательно, страшный удар был нанесен торговле и ремеслам, от которых зависело экономическое развитие [История Европы (т. 2), с. 438; Скрынников (2006), с. 150].

Современные археологические данные подтверждают информацию летописей о том, что разрушения в ряде городов были чрезвычайно значительными. Так, например, во Владимире некоторые районы после разорения вообще запустели и уже не поднялись. Подобная же картина зафиксирована в Чернигове. Обильным разрушениям подвергся Ярославль. В рязанском княжестве археологические материалы демонстрируют буквально-таки тотальное разорение. Сама же Рязань вообще на долгое время из крупного, экономически развитого города опустилась до положения села. Похожее положение сложилось и в Галиче. Во Владимире Волинском слой угля, обнаруженный в археологических раскопках, составлял порядка 30 см, причем следы пожарища найдены и в тех местах, где впоследствии город уже не развивался [Хрусталева (2008), с. 92, 116, 147, 162, 189, 193].

Археологи отмечают, что культурный слой, относящийся к эпохе монгольского нашествия, во Владимире, Суздале, Ярославле, Переяславле-Залесском и некоторых других городах оказывается значительно беднее, чем культурные слои других эпох. В нем обнаруживается мало инвентаря, найденные изделия из кости становятся грубее, чем были раньше, а порой археологи не находят ничего кроме керамики. Хорошо прослеживается упадок городского ремесла и культуры на примере Муром. Домонгольский период в развитии этого города был периодом расцвета. Но в целом ряде вскрытых раскопками участков, находящихся выше домонгольского слоя, сначала идет угольная прокладка (непосредственный результат сожжения многих домов в ходе нашествия), а дальше количественно преобладают опять-таки материалы домонгольского времени. Упадок Мурома длился до XV–XVI вв. [Каргалов (1967), с. 175–176].

Весьма характерно, что из крупнейших русских городов средневековья, подвергшихся разрушению во время набегов, практически все, за исключением Киева, перестали в дальнейшем быть ведущими хозяйственными центрами страны. Они возродились в лучшем случае в качестве небольших, провинциальных городов. Что же касается Киева, то и в ряде его районов (например, в центральном), как отмечает украинский историк П.П. Толочко, «жизнь возродилась только через несколько столетий» [Толочко (2003), с. 143].

Если рассмотреть отдельно Северо-восточную Русь, то из существовавших там к моменту нашествия 28-ми городов 17 наиболее древних и крупных были опустошены. До конца XV в. уже не возродились Дубна и Шоша, а Нерехта и Соль Великая пребывали на уровне промысловых поселков [Кучкин (1990), с. 73].

Следует заметить, что до монгольского нашествия некоторые русские города (во всяком случае, те, которые могли устоять перед напором кочевников) развивались весьма динамично. Например, в Киеве в XI в. начало работать в два раза больше ремесленных мастерских, чем в X столетии. В том же XI в. зародилось местное производство стекла, а в XII — из него стали делать браслеты [Франклин, Шепард (2000), с. 404]¹³. Словом, городская экономика не стояла на месте. Но в результате нашествия произошла катастрофа.

Хотя Киев впоследствии постепенно встал на ноги, он перестал играть ту значительную роль в международной торговле, которую играл раньше. Город «остался перевалочной базой для товаров, но участники этого процесса стали другими. Теперь здесь Западная Европа встречалась со Средней Азией, а местные посредники были устранены» [Хрусталеv (2008), с. 267].

На Западе в XIII столетии ничего подобного по масштабам разорения быть уже не могло. Центральной Европе, как и Руси, пришлось выдержать удар с Востока. Однако, несмотря на победы, одержанные в нескольких битвах, татары вынуждены были ретироваться, поскольку силы и ресурсы их оказались исчерпаны.

Конечно, следует признать, что в обычных европейских войнах того времени города порой тоже сильно страдали. Их, например, могли отдать на несколько дней на разграбление войскам победителя, как это было в 1213 г. в Льеже, захваченном императором Оттоном IV [Пиренн (2001), с. 185], или в 1266 г. в Неаполе, попавшем в руки Карла Анжуйского [Грегоровиус (2008), с. 905]. Однако «бандит стационарный» в отличие от «бандита кочующего» был заинтересован в сохранении хозяйства и населения, поскольку в дальнейшем предполагал с них кормиться. Поэтому грабежи и насилия, как правило, не сопровождались тотальным уничтожением имущества и населения¹⁴.

¹³ Подробно о развитии городской культуры в Древней Руси см. [Тихомиров (1956)].

¹⁴ На стене одного из домов ломбардского города Брешия я лично видел своеобразное свидетельство действий «стационарного бандита» — огромную каменную маску со сломанным носом, которая на местном диалекте называется *mostasu* (большое лицо). История ее, как рассказывает прикрепленная рядом табличка, такова.

В 1311 г. император Генрих VII покорил город и в отместку за то, что брешианские гвельфы плохо обходились с гибеллинами, решил сломать не только все городские укрепления, но также носы всех горожан. Местное население было сильно огорчено подобным ходом событий и стало искать возможность задобрить императора. Это им удалось с помощью значительной денежной суммы, а также вмешательства папского легата. В итоге Генрих, дабы совсем уж не отказываться от своего намерения и не ронять престиж грозного властелина, ограничился тем, что сломал

Есть, правда, в истории Европы Средних веков ряд примеров целенаправленного разрушения городов, которые, на первый взгляд, могут показаться сопоставимыми с примерами разрушений на территории Руси. Самый знаменитый случай — наказание Милана, осуществленное в 1162 г. по приказу императора Фридриха Барбароссы. На сравнительно благополучном европейском фоне оно выглядит поистине страшной катастрофой и характеризуется обычно как тотальное уничтожение города.

Однако при анализе этой истории следует учесть два важных момента.

Во-первых, разрушение не сопровождалось убийством людей и тотальным разграблением имущества. Миланцы были распределены по четырем населенным пунктам, находящимся в окрестностях¹⁵.

Во-вторых, само решение о разрушении было принято, так сказать, лишь со второй попытки. За четыре года до описываемых событий Фридрих уже воевал с Миланом. Барбаросса тогда одержал убедительную победу, но, в конечном счете, пощадил город. Неподчинение императору в 1158 г. было наказано одним только штрафом. Фридрих явно исходил из желания сохранить «курицу, несущую золотые яйца». И лишь эскалация конфликта, достигшая апогея к 1162 г., вынудила его пойти на крайние меры [Оплъ (2010), с. 81, 98–99, 323].

Тем не менее, Милан сумел возродиться чрезвычайно быстро. Не прошло и 15 лет после разрушения города, как Ломбардская лига во главе с Миланом сумела нанести сокрушительное поражение Барбароссе в битве при Леньяно (1176 г.), что вряд ли было бы осуществимо в случае понастоящему тотального уничтожения¹⁶. Более того, к концу XIII в. Милан

носил всем статуям Брешии. В частности, тому *mostasu*, который нам по сей день это демонстрирует.

Возможно, конечно, что дела обстояли не совсем так, и жители Брешии «брежут» относительно действий нелюбимого ими императора. Но, думается, подобная легенда не могла бы возникнуть, если бы для нее не имелось определенных оснований в характере войн той эпохи.

¹⁵ Следует заметить, что примерно также миланцы ранее обходились с жителями не подчинявшегося им городка Лоди. Здания разрушали, вынуждая тем самым людей переселяться на новое место. В этом смысле, кстати, наказание Милана выглядит справедливым возмездием за содеянное, а отнюдь не актом грабежа. Даже сам механизм разрушения был организован соответствующим образом: Милан поделили на «зоны ликвидации», в каждой из которых орудовали жители какого-нибудь враждебного миланцам городка. В художественной форме эта история оказалась запечатлена в романе знаменитого итальянского историка и писателя Умберто Эко «Баудолино» [Эко (2003), с. 64–65, 116–118, 94–95].

¹⁶ В ходе своей северо-итальянской кампании Барбаросса наносил серьезные удары и по благосостоянию других городов региона. Например, в 1155 г. разруше-

оказался самым многонаселенным (около 200 тыс. чел.) городом Европы [Камерон (2001), с. 84]. Сей факт также свидетельствует о том, что данный случай сильно отличается от случаев разрушения ряда древних русских городов, которым уже не удавалось подняться после сокрушительных набегов, накатывавшихся на них волна за волной.

Любопытен в данной связи и еще один, так сказать, «побочный» случай этой истории. За два года до разрушения Милана (в 1160 г.) Барбаросса сровнял с землей Крему. При этом кремаски получили право покинуть свой город, взяв все имущество, которое могли унести с собой. Но самое интересное даже не это. Четверть века спустя — 7 мая 1185 г. — Барбаросса лично основал новую Крему, возвратил кремасков на родину и пожаловал их своими милостями [Оплъ (2010), с. 89, 181]. Можем ли мы представить себе какого-либо монгольского хана, торжественно закладывающего новый русский город на месте недавно сожженного?

История, чрезвычайно похожая на ту, что случилась с Кремой, имела место на юге Италии, где города в середине 50-х гг. XII в. вступили в конфликт с королем Вильгельмом Злым из норманнской династии. В полном соответствии со своим прозвищем Вильгельм повелел разрушить известный культурный центр Бари, сохранив лишь храм с мощами святого Николая. Однако сразу после кончины этого монарха его вдова стала проводить политику задабривания апулийских городов, предоставляя им все большие свободы. Изгнанным жителям Бари разрешили вернуться на старое место, а затем возобновить торговые связи с Венецией [Вис (2005), с. 14–15]. И это неудивительно. Монархи, живущие налогами со своих городов, вынуждены были поддерживать их экономическое развитие в отличие от народов, провалявшихся набегами и грабежами.

Другой известной зоной разрушения, наряду с итальянскими землями, стал в средние века Лангедок. Трагедия случилась в ходе альбигойских войн первой половины XIII в. **Ересь катаров подавлялась католиками беспощадно.** Массовые казни, включая знаменитый костер Монсежюра, на котором было сожжено более 200 человек, действительно имели место. Однако разрушения городов не стали массовыми. Например, уничтожение Безье на первом этапе вооруженного противостояния оказалось результатом того, что сей город был отдан на разграбление солдатам, контроль над которыми командование, в конечном счете, утеряло. Пожар, возникший вследствие этого, не являлся, по-видимому, целенаправленным поджогом вроде тех, что обычно сопровождали набеги. Он был из разряда случайных возгораний,

нию подверглась Тортонна. Однако масштаб ущерба был, по-видимому, не слишком велик, поскольку уже через месяц после разрушения Тортонна с миланской помощью оказалась восстановлена [Оплъ (2010), с. 65].

столь характерных для всех городов средневековья — как восточных, так и западных. Духовный лидер крестового похода против альбигойцев — монах-доминиканец Арнаут Амори, потрясенный случившимся, в дальнейшем отдал своим храбрым молодцам приказ воздерживаться от грабежей под угрозой отлучения от церкви [Каратини (2010), с. 84–87, 97].

Иное дело — трагедия Тулузы, случившаяся в конце 1216 — начале 1217 г. Вопрос о необходимости разграбления города был целенаправленно поставлен графом Симоном де Монфором на военном совете крестоносцев. Обсуждение проблемы показывает, что логика действий «кочующего бандита» оказалась уже не характерна для того времени. В частности, брат самого де Монфора, поддержанный целым рядом рыцарей, советовал поступать в соответствии с логикой «бандита оседлого», утверждая, что разграбить Тулузу означало бы навредить самому себе. «Возьмите город потихоньку, не торопясь, и вас будут любить; запятняйте Тулузу кровью и вы утратите честь [...] Верните знатым сеньорам их земли и законные владения, горожанам — их привилегии, а если они попросят новых — даруйте им и это. В день когда вам будет недоставать средств, эти люди развяжут для вас свой кошелек», — отметил мудрый советчик [Каратини (2010), с. 84–87].

Тем не менее, Симон де Монфор решил уничтожить город. Кроме того, он обложил его жителей высоким налогом [Каратини (2010), с. 228–230]. Однако меньше чем через год после трагедии Тулуза, принявшая своего законного господина графа Раймонда VI, вновь сопротивлялась де Монфору, причем чрезвычайно успешно. Из этого можно сделать вывод, что, как и в случае с Миланом, масштабы разрушения были все же не сопоставимы с последствиями типичного набега кочевников. А крестоносцы при этом ворчали, что их вождь явно поступил неправильно, проявив излишнюю корысть и жестокость, поскольку именно это стало причиной столь быстрой потери города [Каратини (2010), с. 253]. Характер данной «дискуссии» показывает, что разрушение Тулузы можно отнести к числу тех самых исключений, которые лишь подтверждают правило.

Есть, впрочем, в европейской истории и другого рода случаи — это разрушение небольших населенных пунктов в наказание за неповиновение монархам. Можно предположить, что с этими городками, не имевшими большого экономического значения, грозные короли зачастую поступали не лучше, чем монголы с ключевыми русскими городами. Так, например, Фридрих II в 1229 г. разорил и сровнял с землей Сору [Вис (2005), с. 181]. А в 1243 г. сарацины, являвшиеся важнейшей частью императорского войска, уничтожили Альбано [Грегоровиус (2008), с. 848]. Данные примеры показывают, что события в Западной Европе и на Руси того времени не сильно различались по уровню жестокости. Культура подавления несогласных

была похожей. Но в плане воздействия на экономическое развитие результаты оказывались принципиально различны.

Иногда города разрушались исходя из конкурентных соображений. Выше уже говорилось, как миланцы разрушили Лоди. Аналогичный пример — разрушение Тускула, совершенное римлянами в 1191 г. Этот древний город был серьезным соперником Рима, а потому оказался уничтожен до основания и больше уже не возродился. Вместе с ним прекратил свое существование могущественный род графов тускуланских. Остались лишь боковые ветви, поселившиеся в Риме — например, фамилия Колонна [Грегоровиус (2008), с. 753].

Через сто лет после гибели Тускула аналогичный случай произошел с принадлежавшим роду Колонна городком Палестрина¹⁷. На его развалины посыпали соль, как некогда на развалины Карфагена. Палестрина, тем не менее, возродилась, но крупным городом уже никогда не стала [Грегоровиус (2008), с. 952].

Примеры погибших городов Западной Европы XII–XIII вв. не слишком многочисленны. Они наглядно демонстрируют нам разницу между умеренными «типовыми» разрушениями, характерными для средневековых войн, и разрушениями катастрофическими, т. е. направленными на уничтожение.

Даже после серьезного разграбления или после целенаправленного разрушения крупный торгово-ремесленный город Европы мог вновь встать на ноги и разбогатеть. За примерное поведение недавние разрушители даже поощряли его. Иное дело — ситуация безнадежности, возникающая, когда тебе в принципе не дают подняться. В Западной Европе примеры такой «безнадеги» были сравнительно редки, тогда как на Руси, подверженной постоянным волнам набегов, «шерстку» с горожан состригали еще до того, как она толком успевала отрастать¹⁸.

Положили пусту всю землю русскую

Русские земли надолго застыли в эпохе набегов. Они вынуждены были платить татарам значительную дань («ясак» по-татарски или «черный бор», как называлось это в Новгороде), которая сама по себе подрывала экономическое положение Руси. Помимо дани были и другие немалые издерж-

¹⁷ В данном случае имела место политическая конкуренция. Римские папы стремились раздавить гнездо своих соперников в борьбе за власть в регионе Лацио.

¹⁸ Сейчас мы не рассматриваем изменение характера боевых действий, произошедшее во время Столетней войны, и тем более такие известные события XVI в., как разорение Рима в 1527 г. и разорение Антверпена в 1576 г. Это эпизоды иного этапа исторического развития. О них подробно пойдет речь в дальнейшем.

ки, связанные с игом: содержание татарского посла и его многочисленной свиты, финансирование поездок собственного князя в Орду, где следовало щедро одаривать хана, его жен и вельмож [Соловьев (кн. 2), с. 480, 508]. Могли взиматься также тамга (торговая пошлина), кулуш-колтка (чрезвычайный сбор по требованию хана), ям и улаг (предоставление подвод для татар) [История Европы (т. 2), с. 439]¹⁹.

Впрочем, о конкретном размере дани и ее влиянии на экономическое развитие сегодня судить трудно [Хрусталев (2008), с. 273]. Главное другое: несмотря на дань и прочие платежи, Русь время от времени подвергалась очередным набегам и разорениям. Так, с 1273 по 1297 г. татары 15 раз предпринимали походы в Северо-восточную Русь, что привело к бегству населения из областей, которые чаще всего подвергались погромам. В частности, из владимирских земель по Клязьме, из Переяславского и Рязанского княжеств, из Муромских земель, расположенных по Оке [Каргалов (1967), с. 193].

Многие русские города восстанавливались, а затем, не успев набраться сил и зажить спокойной жизнью, вновь подвергались пожарам и разграблениям. Например, Ростов после Батыева нашествия разорился еще в 1316–

¹⁹ Деструктивные последствия набегов, разорений и обременения данью в основном не подвергаются сомнению среди исследователей. Однако существуют и оригинальные теории, согласно которым Русь от взимаемой с нее дани только выигрывала. Так, в частности, Л.Н. Гумилев интерпретирует ее как «некоторый налог на содержание войска, которое ей самой (Руси. — Д.Т.) было нужно» [Гумилев (2004), с. 169]. МолОн считает, что эффективно функционирующая татарская армия решала для Руси задачу противостояния крестоносцам и литовцам.

Подобный подход — сомнительная крайность, противоположная столь же сомнительной оценке, сделанной Н.Я. Эйдельманом. Истина, скорее всего, лежит где-то посередине. Однако, по всей видимости, теория Гумилева представляет собой сильный идеологический аргумент для евразийцев, противопоставляющих русских и татар страшному, коварному Западу. Впрочем, даже если представить Русь в виде своеобразной «унтер-офицерской вдовы», которая сама себя выпорола, чтобы подорвать позиции врага, проблема экономической разрухи, связанной с набегам, никуда не девается. Запад, не плативший столь «полезного» налога татарам, долгое время имел больше возможностей для экономического развития.

Интересно отметить, что в раннем евразийстве не отрицался тот колоссальный материальный урон, который понесла Русь в результате татаро-монгольского нашествия. Это видно, в частности, из книги Г.В. Вернадского «Монголы и Русь» [Вернадский (1997), с. 346–348], а также из писем П.Н. Савицкого Л.Н. Гумилеву [Гумилев (2005), с. 479]. Савицкий полагал, что величие Руси произошло из тяжести ига. Однако такого рода философская конструкция сложна для понимания широкими массами, а значит, не слишком подходит для идеологических целей. Концепция Гумилева в этом смысле оказывается значительно проще и доступнее.

1320 г. и в 1408 г. Суздаль страдала в 1293 г. и 1382 г. Юрьев-Польской вообще не вылезал из напастей, становясь жертвой набегов в 1281 г., 1293 г., 1382 г. и 1408 г. Похожая судьба и у Владимира, который татары «навещали» в 1382 г., 1421 г., 1445 г., 1448 г. [Сахаров (1959), с. 28–32, 40–41, 46].

Следует заметить, что в целом ряде случаев набеги и разорения были спровоцированы самими русскими князьями, которые использовали силы Орды (как раньше половцев) для борьбы со своими противниками из числа русских же князей. Выполнив «заказ клиента», татары разоряли города и опустошали земли, чтобы получить определенную выгоду для себя [Соловьев (кн. 2), с. 193–194]²⁰. Порой в этот «бизнес» встраивались и литовцы. Например, князь Ольгерд в 1368–1370 гг., вмешавшись в борьбу Москвы с Тверью, подверг московские земли страшному разорению [Черепнин (1960), с. 562–568].

Таким образом, на Руси сложился весьма своеобразный и совершенно губительный для экономики механизм ведения междоусобных боевых действий. Не имея собственных значительных военных сил, князья использовали татарские «ограниченные контингенты», а право на грабеж при этом автоматически «закладывалось» в договор об «оказании интернациональной помощи». Орда же, со своей стороны, активно препятствовала возможной консолидации сил русских князей. Татары стравливали между собой отдельные княжества и политические группы, разжигали тлеющие конфликты, а, значит, сохраняли возможность постоянно кормиться с контролируемой территории [Насонов (2002), с. 217].

Свой вклад в разорение русских земель наряду с татарами, литовцами и собственными князьями внесли также простолюдины. Например, новгородские ушкуйники, регулярно грабившие ордынские города, «на закуску» не брезговали «прихватизацией имущества» своих соплеменников (их они,

²⁰ Следует заметить, что четырьмя столетиями раньше подобная практика отмечалась и в Западной Европе. К примеру, граф Ламберт, стремясь установить свой контроль над Нантом, пригласил в город норманнов. Французские лодманы провели корабли викингов через все мели и водовороты Луары, что было чрезвычайно важно, поскольку жители Нанта чувствовали себя в полной безопасности, полагая, будто в разгар жаркого лета ни один чужеземец не сможет дойти по реке до их города. В итоге викинги напали на совершенно неготовых к защите горожан и устроили страшную резню. Захватив богатую добычу, они к вечеру покинули Нант, а изнасилованный город достался Ламберту. Причем этот случай с «благородном» графом был отнюдь не единственным в Западной Европе. В конце IX в. норманнов активно использовали в своих династических разборках представители валлийского королевского дома [Джонс (2007), с. 207, 375]. Л.Н. Гумилев, кстати, всех этих историй не замечал, полагая, что «пятой колонной», сотрудничавшей с норманнами, были исключительно евреи.

правда, в отличие от татар не убивали). В 1366 г. ушкуйники напали на Нижний Новгород, в 1371 г. разграбили Кострому, в 1374 г. получили «откуп» в Вятке, а на будущий год вновь взялись за костромичей и нижегородцев [Черепнин (1960), с. 393–395]. Словом, проблема русских земель была не в инородцах, как таковых, а в неспособности государства устранить многочисленные набеги и разного рода поборы.

По оценке В.О. Ключевского лишь земли, группировавшиеся вокруг Москвы, были на протяжении столетия «единственным краем Северной Руси, не страдавшим или мало страдавшим от вражеских опустошений; по крайней мере за все это время здесь, за исключением захватившего Москву татарского нашествия 1293 г., не слышно по летописям о таких бедствиях» [Ключевский (т. 2), с. 11].

Сам московский князь Иван Калита в споре с тверским князем прибег к помощи 50-тысячного татарского контингента, который сверг тверские земли в полное разорение, пожег города и села, а людей увел в полон. По выражению летописца Калита с татарами «положили пугу всю землю Русскую» [Соловьев (кн. 2), с. 224]. Причем надо отметить, что согласно оценке известного историка А.Н. Насонова, Орда специально стремилась «изолировать Тверь и сделать московского князя своим послушным орудием» [Насонов (2002), с. 289]²¹.

Татарам это вполне удалось. Московско-ордынское коварство, в конечном счете, обернулось наведением порядка. После того как укрепившийся в своих правах и разбивший основного соперника Иван Калита получил в 1328 г. от татарского хана великокняжеское звание, на Руси впервые наступил длительный период (примерно 40 лет), когда города и земли не страдали от набегов [Ключевский (т. 2), с. 20]. Орда при этом стабильно получала свою дань, но в русских городах наметился некоторый хозяйственный подъем [Муравьев, Сахаров (1984), с. 115–116].

При Дмитрии Донском настал новый период нестабильности, причем даже победа в Куликовской битве не укрепила русские позиции. Через два года после одержанной с таким трудом победы на Москву пришел хан Тохтамыш. Он разорил стольный град, а затем еще целый ряд крупных населенных пунктов — Владимир, Переяславль, Юрьев, Звенигород, Можайск²².

²¹ Мысль об активной роли хана Узбека в разжигании вражды между русскими князьями содержится, например, в повести об убийстве в Орде Михаила Тверского [Черепнин (1960), с. 471].

²² Набег Тохтамыша «интересен» тем, что проясняет вопрос, хотели ли русские платить дань на содержание татарского войска, которое, по мнению Л.Н. Гумилева, было им самим полезно. По оценке исследовавшего этот вопрос историка А. Горского, на открытое неподчинение Орде (Куликовскую битву) Дмитрий Донской решился

Князь Дмитрий ничего не сумел сделать для защиты своей земли [Соловьев (кн. 2), с. 279–281]²³.

Следующие сто лет вновь прошли в тяжелой борьбе. Причем особенно сильно страдали от набегов восточные земли — Рязанская и Нижегородская области. Если предшествовавший период относительной стабильности способствовал развитию восточной торговли, которую худо-бедно вели нижегородские купцы по Волге, то теперь «ханы, вооружаясь против России, бросаются на русских купцов, которых только могут достать своею рукой» [Соловьев (кн. 2), с. 542]. А вместе с купцами страдают, естественно, и города.

В 1399 г. русский князь Семен Дмитриевич вместе с татарским царевичем Ейтяком подступил к Нижнему Новгороду. Татары ограбили русских, а «большой патриот» князь Семен при этом лишь пожал плечами: мол, ничего не могу с ними поделать, такой уж народ дикий...

В 1408 г. Иван Владимирович Пронский пришел с татарами в Рязань и выгнал из города князя Федора Ольговича.

В 1411 г. князь Данила Борисович с татарским царевичем Талычем пожгли и пограбили во Владимире. Деньги делили мерками. Добычи оказалось столько, что всю было не унести с собой — пришлось сжигать²⁴.

лишь потому, что Мамай являлся «нелегитимным правителем». С восстановлением же «законной» власти Тохтамыша «была предпринята попытка ограничиться чисто номинальным, без уплаты дани, признанием верховенства “царя”, но военное поражение 1382 г. ее сорвало» [Горский (2000), с. 188]. Словом, этот сильный русский князь с удовольствием бы оставил деньги при себе, да татары ему этого не позволили. Слабые же князья по понятной причине не делали даже попыток уклониться от уплаты дани.

²³ Л.Н. Гумилев полагает, что этот набег Тохтамыша был бы совсем не страшен, но москвичи перепились, вылезли на стены, стали ругать татар и демонстрировать им свои половые органы. Неудивительно, что татары на москвичей очень обиделись [Гумилев (2004), с. 211–212; Гумилев (2005), с. 304]. Отсюда, мол, и все проблемы российской истории.

Подобные объяснения кажутся в известной мере курьезными. Однако для Гумилева как автора знаменитой теории этногенеза, объясняющей глобальные движения народов во всемирной истории, они чрезвычайно важны [Гумилев (1989)]. Крупнейший идеолог евразийства стремился доказать, что «запустение и “погибель Русской земли” произошли не по вине злых соседей, а вследствие естественного процесса — старения этнической системы, или, что то же, снижения пассионарного напряжения» [Гумилев (2005), с. 131]. Если признать, что татарские набеги нанесли Русской земле значительный урон, то, по всей видимости, не будет хватать аргументов для обоснования теории этногенеза.

²⁴ В отличие от этих кочующих бандитов Дмитрий Донской действовал уже как истинный государь своей страны и поведением напоминал западных современников. В частности, он отказался разорять Тверь, поскольку понимал, что тем самым подо-

В те же годы хан Едигей напал непосредственно на Москву. Столицу не взял, но осады пожег. А пока стоял под Москвой, успел разослать в разные стороны отряды, которые опустошили Переяславль, Ростов, Дмитров, Серпухов, Верею, Новгород Нижний, Городец, Клин. Следующий набег на Москву произошел в 1439 г., когда хан Улу-Махмет 10 дней стоял под городом. Взять его не смог, но «наделал много зла Русской земле, на возвратном пути сжег Коломну и погубил множество людей». Шесть лет спустя, тот же хан побывал в Нижнем Новгороде, а потом двинулся к Мурому, где, правда, получил отпор со стороны Великого князя [Соловьев (кн. 2), с. 346–348, 357, 361–362, 391–393].

Стоило какой-либо части русских земель несколько подняться в хозяйственном отношении, как сразу там появлялись татары. Лучше всякой статистических комитетов и управлений фиксировали они признаки экономического роста. В конце 1428 г. появляется под Галичем некий Махмут-Хозя (возможно, все тот же Улу-Махмет). И хотя в самом Галиче Хозя так и не похозяйничал, но землю Галицкую он разорил, а в начале следующего года внезапным ударом взял даже Кострому. «Первый известный летописям набег ордынцев на Галич, — делает вывод известный историк А.А. Зимин, — говорил о том, что край этот начал к концу 20-х годов XV в. превращаться в процветающий — ордынцам было там что грабить, иначе вряд ли бы они избрали его объектом своего нападения» [Зимин (1991), с. 42].

Впрочем, Москва или Кострома — это для бандитов был как бы праздничный обед. А вот Рязанью и Нижним Новгородом они «закусывали» регулярно. В начале 1440-х гг. татары в очередной раз пришли на рязанские земли, «много зла сотвориша», а в середине десятилетия «посетили» и Нижний, который хотели сделать своей «дойной коровой» [Зимин (1991), с. 95, 101].

Длинный перечень разорительных набегов вполне можно было бы продолжить. В целом, около семидесяти раз в древних летописях упоминается «о взятии русских городов, преимущественно татарами, во время нашествия Батыева, Тохтамышева, Едигеева» [Соловьев (кн. 2) с. 502–503]. О том, насколько деструктивно многочисленные набегии действовали на развитие экономики, свидетельствует хотя бы один интересный пример, приводимый С.М. Соловьевым в его фундаментальной «Истории России с древнейших времен». В Нижнем Новгороде жил купец Тарас Петров — первый богач во всем городе. Купил он «себе вотчину у князя, шесть сел за Кудьюмою-рекой, а как запустел от татар этот уезд, тогда и гость переехал из Нижнего в Москву» [Соловьев (кн. 2), с. 542].

рвет собственную опору [Черепнин (1960), с. 581]. Можно сказать, что европейская тенденция медленно пробивалась на Руси, однако, общая атмосфера, создаваемая татарскими набегами, сильно препятствовала улучшению дел.

Современные археологические изыскания дополняют летописные сведения. Так, в частности, «на среднем Дону, т. е. в районе, постоянно подвергавшемся набегам из степи, исчезают поселения, располагавшиеся на открытых местах, а селища небольших размеров (3–4 землянки) размещаются в лесах; селиться у больших рек и на открытых водоразделах люди избегали» [Каргалов (1967), с. 185].

Последствия набегов на восточные земли (особенно, на Рязань и Нижний Новгород) были несопоставимы по своим масштабам с последствиями обычных военных действий, которые велись как на западе Руси, так и в других государствах Европы. Обычные средневековые сражения, хотя и наносили существенный вред развитию экономики, не приводили, тем не менее, к запустению больших территорий и прекращению торговли. В отдельные периоды крупномасштабных войн (например, Столетней войны) последствия для мирного населения могли оказаться чрезвычайно тяжелыми, но по прошествии времени деловая активность оживала. Конфликтующие между собой монархи были все же заинтересованы в поддержании эффективно функционирующей экономики.

В частности, северо-западные русские земли постоянно конфликтовали с литовцами, немцами и шведами. «Новгородская и Псковская области, — отмечает С.М. Соловьев, — терпели больше всех других от нашествий внешних врагов, и, несмотря на то, Новгород и Псков оставались самыми богатыми городами во всей Северной России, ибо Псков во все это время был только раз во власти врагов, которые, впрочем, как видно, не причинили ему большого вреда: Новгород же ни разу не доставался в руки неприятелю; большая часть нашествий немецких, шведских и литовских, от которых терпели Новгород и Псков, ограничивались пограничными волостями их и несколько не могут идти в сравнение с нашествием Батыея, с двукратным татарским опустошением во время усобиц между сыновьями Невского, с опустошением Тверской области татарами и Калитою, с нашествиями Тохтамыша, Едигея» [Соловьев (кн. 2), с. 527].

Народные представления о том, что значили для Руси татарские набеги и взимание дани, нашли отражение в фольклоре, например, в песне о родственнике хана Узбека по имени Щелкан Дуденьевич. Прообразом его был известный баскак Чолхан, против действий которого было поднято восстание в Твери в 1327 г. (подробнее о нем см. [Клюг (1994), с. 116–118]). Сей бравый Щелкан собирал дань с населения следующим нехитрым образом: «с князей брал по сту рублей, с бояр по пятьдесят, с крестьян по пяти рублей; у которого денег нет, у того дитя возьмет; у которого дитя нет, у того жену возьмет; у которого жены-то нет, того самого головой возьмет» [цит. по: Черепнин (1960), с. 483].

Забирали «головой» многих. В частности, Орда увозила к себе квалифицированных мастеров. Согласно запискам итальянского францисканца ПIANO Карпини, после того как осажденные в каком-либо городе сдаются, «татары спрашивают, кто из них ремесленники, и их оставляют, а других, исключая тех, кого захотят иметь рабами, убивают топором» [Пiano Карпини (1997), с. 57]. Свидетельство ПIANO Карпини порой оспаривается, но археологи находили в самых разных концах татарских кочевий русские вещи XIII в. Согласно оценке крупнейшего специалиста по ремеслу Древней Руси академика Б.А. Рыбакова, это есть косвенное свидетельство того, что там работали пленные мастера, обладавшие соответствующими навыками [Рыбаков (1948), с. 527–534].

По причине гибели и пленения мастеров за время татарских набегов на Руси были забыты многие оригинальные ремесла (например, перегородчатая эмаль, чернь, зернь, скань, изготовление стеклянных бус, амфор-корчаг и другой керамики, белокаменная резьба при строительстве соборов). Почти на сто лет прекратилось каменное строительство в городах, подже оно восстанавливалось крайне медленно. Даже в Новгороде, сравнительно мало пострадавшем от монголов, до 1292 г. не было построено ни одной каменной церкви. В Пскове — похожая история [Рыбаков (1948), с. 534–537, 667–671; История Европы (т. 2), с. 438]²⁵.

Если ремесленников уводили в полон, то купцов нещадно грабили в дороге. Сначала их изрядно обирали официально приставленные «к делу» таможенники, а затем уже потрошили всякие «неофициальные лица». Особенно отличались в этом деле крымчаки [Черепнин (1960), с. 400].

²⁵ Л.Н. Гумилев полагал, что Запад на протяжении столетий формировал о монголах своеобразную «черную легенду», преувеличивая масштаб разорений, приносимых ими в Европу [Гумилев (2005), с. 274–275]. Любопытно, однако, что сегодня именно некоторые западные историки вслед за современными евразийцами склонны «минимизировать ущерб», нанесенный Руси [см., например: Феннел (1989), с. 128–130], тогда как отечественные специалисты в основном придерживаются взгляда, согласно которому набеги затормозили экономическое развитие. Вряд ли «черная легенда» действительно так уж нужна Западу для каких-то своих целей. Впрочем, скептически оценивая некоторые выводы Гумилева, нельзя не признать важной заслугой этого поэтически мыллившего исследователя. Во-первых, он в своих трудах постоянно подчеркивает мысль о том, что нельзя мазать черной краской одни народы за «зверства», учиненные в прошлом, и превозносить другие, которые якобы выполняли исключительно цивилизаторскую миссию [см., например: Гумилев (2005), с. 219]. Во-вторых, он отмечает, что нет народов полноценных и неполноценных. Просто одни, условно говоря, «моложе» в своем развитии, тогда как другие «старше» [см., например: Гумилев (2005), с. 35].

С какого же момента можно говорить о том, что русские земли начали возрождаться после набегов? По всей видимости, однозначно выделить год, десятилетие или даже столетие не представляется возможным. Исследователи Северо-восточной Руси отмечают, что новые города стали появляться в этом регионе на рубеже XIII–XIV вв. — Кашин, Старица, Клин, Холм. Со второй половины XIV в. этот процесс интенсифицируется. А к концу столетия в княжествах Северо-восточной Руси, на древней «залесской» земле, было уже не менее 50 городов, т. е. в два с лишним раза больше, чем в канун монголо-татарского завоевания [Кучкин (1990), с. 73–78].

Бесспорно, такой рост является важным признаком позитивных изменений. Однако при этом следует отметить два важных момента.

Во-первых, практически половина городов располагалась в Московском (12) и Тверском (12) княжествах [Кучкин (1990), с. 77–78], т. е. на территориях, относительно защищенных лесами и не находящихся под непосредственной угрозой татарского набега. Там где опасность систематического разорения сохранялась, урбанистический процесс шел гораздо медленнее.

Во-вторых, значительная часть новых городов представляла собой пограничные крепости. Городами в экономическом смысле их назвать трудно. Торговля и ремесло не являлись двигателями этой урбанизации. В XV в., когда ситуация на Руси вроде бы улучшилась и торговые центры должны были получить дальнейшее развитие, некоторые из основанных ранее крепостей вдруг запустели. А новые города на Северо-востоке стали возникать медленнее. Объяснялось это тем, что Иван III расширил границы своих земель, а потому потребность в пограничных крепостях, расположенных именно в данном регионе, снизилась. Кроме того, Иван тратил деньги преимущественно на войну, и в результате на строительство средств у него не оставалось [Кучкин (1990), с. 78–81].

Попутно следует отметить, что развитие городов в этот период тормозилось на Руси не только набегам, но и конкуренцией со стороны вотчинного ремесла. Даже в той мере, в какой ремесленные изделия реально производились, они не становились предметом купли-продажи. Среди товаров на рынках XV в. доминировали продукты питания. Ремесленных изделий там продавалось чрезвычайно мало. Как следствие, медленно развивалось денежное хозяйство. Косвенным признаком данного факта является то, что самостоятельный выпуск монеты начался в Северо-восточной Руси лишь в 80-х гг. XIV в. [Кучкин (1991), с. 77–79]²⁶.

²⁶ Первые монеты, отчеканенные на Руси, появились при Владимире Святом. Но для XII, XIII и большей части XIV в. никаких данных о чеканке нет, монет этого времени не найдено. Лишь Дмитрий Донской стал перчеканивать татарскую монету — денгу. Из двух татарских денег делалось три русских [Кулишер (2008), с. 16, 121]. По

Настоящий перелом в экономическом развитии России наступил, по оценке известного историка А. Янова, лишь в первой половине XVI в. [Янов (2008), с. 68]. Во всяком случае, именно в это время появляется целый ряд новых городов и крепостей. Косвенным образом такое массовое строительство свидетельствует о том, что снизилась опасность новых татарских набегов. Если во времена половцев, как мы видели ранее, некоторые малые города юга пустели и забрасывались жителями, стремившимися уйти под стены более мощных и хорошо охраняемых крепостей, то теперь повсюду (в том числе и в местах непосредственного соприкосновения со Степью) возникает строительная активность. Курск, Воронеж, Елец, Белгород, Борисов, Царицын формируются непосредственно в южных регионах Руси. А кроме них появляется целый ряд городов на севере и в центре.

В 20-х гг. XVI в. жители Нарвы писали в Ревель: «Вскоре в России никто не возьмется за соху, все бегут в город и становятся купцами... Люди, которые года два тому назад носили рыбу на рынок или были мясниками, ветошниками и садовниками, сделались пребогатыми купцами и финансистами и ворочают тысячами» [цит. по: Зимин (1960), с. 158]. Понятно, что авторы данного текста слишком импульсивно и некритично восприняли наблюдавшиеся у соседей перемены. Однако даже это курьезное письмо является косвенным свидетельством существенных перемен, происходивших в русских землях.

Развитие городов и усиление связанной с ним деловой активности стало в основном следствием решительного перелома в отношениях с татарами. В 1480 г. после так называемого стояния на Угре, когда Орда не решилась вступить в сражение с войсками Ивана III, непосредственная угроза набегов резко снизилась. Более того, в годы молодости Ивана IV Грозного Москва перешла в решительное наступление, нанесла удары по Казани и Астрахани, далеко отодвинув тем самым своеобразный российский фронт в сторону юга и востока. Это позволило освоить земли, которые раньше считались опасными для проживания²⁷.

Изменение экономического положения с 80-х гг. XV в. прослеживается и по изменению некоторых аспектов финансовой политики русских царей.

всей видимости, инициатива князя Дмитрия была связана не с быстрым развитием экономики, а, напротив, с тем, что для слабо развитого хозяйства, характеризующегося мелкими сделками, требовались монеты лишь небольшого достоинства.

²⁷ Любопытно, что даже Гумилев фактически признает роль ослабления татарской опасности. Он отмечает: «Население Руси за первые 50 лет XVI в. выросло в полтора раза, достигнув девяти миллионов человек» [Гумилев (2004), с. 251]. Понятно, что до этого именно набеги, убийства и разорения препятствовали демографическому подъему.

Если раньше они предоставляли плательщикам большое число налоговых освобождений, то теперь количество льгот резко сокращается. А для периода 1491–1503 гг. не известно вообще ни одной царской грамоты подобного содержания. Правда, после кончины Ивана III финансовая дисциплина резко снижается, однако в середине XVI столетия при формировании правительства Сильвестра и Алексея Адашёва вновь берется курс на отмену налоговых льгот. Любопытно, однако, что жесткость фискальной политики дифференцируется в зависимости от территории. На землях, находящихся под угрозой набегов казанских и крымских татар, льготные грамоты получают свое подтверждение. И это не удивительно, поскольку там «все пустое: от казанской войны люди побиты, а иные в полон иманы, и дворов нет, и пашни не пашут» [Каштанов (1988), 16,21, 98–100; Коломиец (2001), с. 17–18].

Как можно это интерпретировать? С одной стороны, понятно, что выстраивание властной вертикали при Иване III позволило правительству отказаться от политики улаживания налогоплательщиков и заключения с ними компромиссных соглашений. Царь-самодержец смог проявить твердость, которой раньше не было у великих князей. Но с другой стороны, укрепление финансовой дисциплины является косвенным доказательством того, что появились объективные возможности платить налоги. Ведь твердость самодержца немного даст, если «люди побиты и пашни не пашут». Но там, где экономика восстанавливается, фискальная политика обычно становится более последовательной²⁸.

Есть ли еще люди в тех странах?

То, что происходило на Руси в первой половине XVI в., примерно соответствует перелому, произошедшему в западных и центрально-европейских регионах в X–XI столетиях, когда резко снизилась опасность арабских, норманнских и венгерских атак на цивилизованные земли. Разрыв во времени между эпохой стабилизации на Западе и на Востоке составил примерно пол тысячелетия.

Более того, проблема набегов не была снята с повестки дня даже после того, как во времена Ивана III и Ивана IV по татарам оказались нанесены

²⁸ Примерно также обстояло дело в России последних десятилетий. Большое число налоговых льгот и неплатежей в бюджет при Ельцине было связано не только со слабостью властной вертикали, но и с тем, что в ситуации трансформационного кризиса многие предприятия действительно потеряли возможность платить. Но с началом экономического роста платежная дисциплина заметно повысилась, поскольку производители встали на ноги.

мощные удары. Южные русские земли продолжали страдать от агрессии крымских татар и во второй половине XVI и даже в XVII столетии.

Скрытно, тайком, избегая хорошо заметных речных переправ, татары прокрадывались в самое сердце русских земель. «Углубившись густой массой в населенную страну верст на 100, они поворачивали назад и, развернув от главного корпуса широкие крылья, сметали все на пути, сопровождая свое движение грабежом и пожарами, захватывая людей, скот, всякое ценное и удобопереносимое имущество» [Ключевский (т. 2), с. 197].

Самыми страшными считаются нападения на Москву, случившиеся в 1571–1572 гг., когда крымский хан привел с собой полчище в 120 тысяч воинов. Какое-то время набеги происходили ежегодно, а то и два раза в год. Для Крыма фактически подобный вид «хозяйственной деятельности» постепенно становился профилирующим. Если татары не совершали очередного набега на христианские земли, то у них просто возникали проблемы с продовольствием [Хорошкевич (2001), с. 109].

Специализировались крымские татары теперь уже не столько на грабежах как таковых, сколько на взятии пленных, которых по установленной еще половцами традиции продавали в рабство. Турция XVI–XVII вв. ощущала большую потребность в сильных мужчинах — рабах, используемых в качестве гребцов на средиземноморском галерном флоте. «Не пропадали» и женщины, укачивавшие хозяйских детишек. А при этом славянские детишки, взятые в плен на Руси, в Литве или Польше, воспитывались как правоверные мусульмане и становились впоследствии янычарами. Масштабы работорговли были таковы, что некий еврей-меняла, «сидя у единственных ворот перекопи²⁹, которые вели в Крым, и видя нескончаемые вереницы пленных, туда проводимых из Польши, Литвы и Московии, спрашивал у Михалона (литовца, рассказавшего эту историю. — *Д.Т.*), есть ли еще люди в тех странах, или уже не осталось никого» [Ключевский (т. 2), с. 198].

Таким образом, русские земли страдали от набегов гораздо дольше, чем другие европейские территории. «Если представить себе, — делает вывод выдающийся историк В.О. Ключевский, — сколько времени и сил материальных и духовных гибло в этой однообразной и грубой, мучительной погоне за лукавым степным хищником, едва ли кто спросит, что делали люди Восточной Европы, когда Европа Западная достигала своих успехов в промышленности и торговле, в общежитии, в науках и искусствах [Ключевский (т. 2), с. 201]. К похожему заключению приходит и современный исследователь: «Именно татарский погром помешал русским городам

²⁹ Глубокого рва с хорошо укрепленным валом, перекрывавшим узкий перешеек, отделяющий полуостров Крым от материка.

развиться в такую могучую силу, в какую они превратились в Западной Европе» [Каргалов (1967), с. 178].

Набеговые волны подрывали возможности экономического развития, тормозили рост городов, препятствовали накоплению капиталов, ограничивали амбиции русских деловых кругов, остававшихся на протяжении столетий слабыми, оторванными от ведущих центров европейской торговли и ориентированными почти исключительно на мелкое предпринимательство местного масштаба. Впрочем, не следует думать, будто это отставание в развитии городов и торговли само по себе обусловило существенное отставание России в процессе модернизации.

Как мы увидим далее, другие европейские страны также развивались неравномерно. Помимо набегов были и иные причины, по которым одни государства вдруг решительно вырывались вперед, тогда как другие надолго отставали. Эти рывки создавали ситуацию неравновесия, но проходило время, и возникший однажды разрыв в уровне развития постепенно ликвидировался. Не существует жестких ограничителей, которые препятствовали бы наверстыванию упущенного, если в отстающей стране создаются предпосылки для быстрого, уверенного экономического развития.

Еще одно распространенное заблуждение связано с попыткой некоторых авторов определить черты национального характера, сформировавшиеся под воздействием татар и затем остававшиеся неизменными на протяжении многих столетий. В научной литературе и в публицистике весьма распространено мнение, согласно которому монгольское нашествие не только разрушило материальный быт народа, не только нанесло ущерб развитию городов и торговли, но во многом определило специфику нашей национальной культуры. Представители данного направления полагают, будто культура эта, однажды сформировавшись под воздействием некоторых обстоятельств, в дальнейшем как бы «проникает в кровь» людей и заставляет их в совершенно новых условиях вести себя вполне традиционно.

Основоположником подобного подхода применительно к воздействию монгольского нашествия на Русь, может, по-видимому, считаться выдающийся писатель Н.М. Карамзин. В своей «Истории государства Российского», отвечая на вопрос, что должно было стать следствием татарского ига, он выделяет нравственное унижение людей. И далее пишет: «Забыв гордость народную, мы выучились низким хитростям рабства, заменяющим силу в слабых; обманывая Татар, более обманывали и друг друга; откупаясь деньгами от насилия варваров, стали корыстолюбивее и бесчувственнее к обидам, к стыду, подверженные наглостям иноземных тиранов [...] Может быть, самый нынешний характер Россиян еще являет пятна, возложенные на него варварством Монголов» [Карамзин (т. V), с. 202–203].

Уже само по себе предположение, будто из-за татар мы стали корыстолюбивее и бесчувственнее к обидам, внушает серьезные сомнения. Вообще не существует никаких причин считать, что русский народ корыстолюбивее и бесчувственнее других народов. Скорее всего, эта оценка Карамзина чисто эмоциональная, данная в период расцвета крепостного права и всех вытекающих из него моральных последствий.

Более того, предположение, будто характер россиян начала XIX в. определяется родимыми пятнами, оставшимися у него после варварства монголов, не имеет под собой никаких оснований. Ни Карамзин, ни его последователи не привели, насколько известно, никаких доказательств подобной культурной зависимости современников от судеб их далеких предков. Тем не менее, утвердившийся после Карамзина подход дает настолько простое и понятное объяснение нашего отставания от Запада в плане модернизации, что он просто не может не иметь большого числа сторонников.

Нравы повредились — вот вам и источник всех проблем. С твердостью и безапелляционностью, которая все же не была характерна для Карамзина, сформулировал данную точку зрения Н.И. Костомаров в работе «Начало единодержавия в Древней Руси». Согласно его мнению «все русские от князя до холопа стали его (хана. — *Д.Т.*) рабами без исключения [...] Исчезло чувство свободы, чести, сознания личного достоинства; раболепство пред высшими, деспотизм над низшими стали качествами русской души. Падению свободного духа и отупению народа способствовало то, что Русь постоянно была в разорении, нищете и малолюдстве» [Костомаров (1870), с. 497, 502].

Неудивительно, что при подобных душевных качествах народа на Руси, согласно мнению Костомарова, установилось единодержавие. Для этого требовалось лишь сменить татарского хана на собственного великого князя во главе «властной вертикали». Сама же вертикаль стала, по-видимому, неизменным элементом национальной культуры, не меняющимся при перемене иных обстоятельств. «Громада народа, давно забытого, отвыкшего от всякой самостоятельности и привыкшего только повиноваться силе — безропотно должна была служить ему одному (царю. — *Д.Т.*) и потом и кровью» [Костомаров (1870), с. 527]³⁰.

Более «политкорректную» трактовку трансформации российского менталитета, произошедшего под влиянием монголов, дает современный французский автор Элен Каррер д'Анкосс. Она полагает, что русские унаследовали от монголов некую систему, стремившуюся «установить [...] глобальный мир и общественный порядок, ключевыми понятиями в кото-

³⁰ Взгляды Карамзина и Костомарова подробно исследованы в [Кривошеев (2003)].

ром были бы слова *справедливость* и *равенство*, под эгидой всемогущего хана. Но таким образом организованное человечество, обеспеченное безопасностью и равенством, должно было платить за эти благодеяния, постоянно и неустанно служа государству, то есть хану, который являлся его воплощением» [Каррер д'Анкосс (2005), с. 37–38]. Хотя Каррер д'Анкосс из данного положения делает вывод, что монгольское влияние оказалось прежде всего политическим, а не культурным, ее общая логика фактически повторяет логику Костомарова. Русские, слава богу, не отупели на века, но зато оказались (также на века) привержены идеям справедливости и равенства, ради которых стали служить хану, а затем царю, генеральному секретарю и президенту.

Трудно понять, по какой такой причине отупение народа или, напротив, его возвышенная склонность к справедливости и равенству (даже если предположить, что какое-то из этих свойств действительно возникло при монголах) могли стабильно сохраняться спустя несколько столетий в совершенно иных военных, экономических и социально-политических условиях. Подобная позиция представляется нам совершенно необоснованной. Более того, если бы национальная культура, однажды сформировавшись, без всяких изменений проходила через столетия, невозможны, наверное, были бы никакие реформы. А у нас в России, как и в других странах, реформы, естественно, неоднократно осуществлялись.

Другое дело, что России, увы, не удалось быстро восполнить потери, понесенные за долгое время борьбы с набегами. И хотя мы не стали на века отупевшими рабами, лишенными личного достоинства, не стали рабоподобными деспотами, не стали заложниками антизападной культуры, мы стали все же заложниками той своеобразной «колеи», по которой оказались вынуждены двигаться. Наша проблема свелась к тому, что исторический путь, на который страна вырулила за первые столетия существования российской государственности, во многом определил и дальнейшее развитие общества.

Трудности, формируемые проблемой колеи, качественно отличаются от трудностей, формируемых проблемой культуры. Из колеи стремятся вырваться, хоть сделать это часто бывает трудно, а потому требуется интенсивно работать лопатой и подкладывать под колеса доски. Но если культура народа противодействует намерению выбраться на «магистральный путь», не помогают ни лопата, ни доски.

Россия после татар вынуждена была вести себя как подросток, не успевший вырасти и набраться сил, но уже вынужденный вступать в борьбу с мощными, хорошо откормленными соперниками. Победить таких соперников можно лишь используя нестандартные приемы и обращая некоторые свои недостатки в достоинства. Иначе говоря, отставание в развитии порождает у нас не только стремление догнать ушедшие вперед страны, но

и необходимость сражаться с ними, еще даже не переняв прогрессивного экономического и военного опыта.

Зависимость от пройденного исторического пути порождала на Руси очередные «оригинальные» шаги. Стремление догнать Запад в какой-то степени стимулировало подражание ему, а в какой-то — создавало нечто совершенно иное, необычное, не характерное для народов, двигавшихся по пути модернизации впереди нас. Западничество, примененное в условиях сильно отстающего с экономической точки зрения государства, формировало социально-политическую и военную картину, отличающуюся как от той, которую мы имели раньше, так и от той, которую стремились изобразить на сумрачном российском фоне.

Литература

- Артамонов М.И.* История хазар. СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2002.
- Ахиезер А., Клямкин И., Яковенко И.* История России: конец или новое начало? М.: Новое издательство, 2005.
- Бек К.* История Венеции. М.: Весь мир, 2002.
- Бродель Ф.* Время мира. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. М.: Прогресс, 1992.
- Вернадский Г.В.* Монголы и Русь. Тверь; М.: ЛЕАН; АГРАФ, 1997.
- Вис Э.В.* Фридрих II Гогенштауфен. М.; АСТ; Транзиткнига, 2005.
- Волков В.* Республика как тип охранного контракта // Что такое республиканская традиция. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2009.
- Гайдар Е.Т.* Долгое время. Россия в мире: очерки экономической истории. М.: Дело, 2005.
- Горский А.А.* Москва и Орда. М.: Наука, 2000.
- Греков Б.Д., Якубовский А.Ю.* Золотая орда и ее падение. М.: Богородский печатник, 1998.
- Грегоровиус Ф.* История города Рима в Средние века (от V до XVI столетия). М: Альфа-книга, 2008.
- Гумилев Л.Н.* Этногенез и биосфера земли. Л.: ЛГУ, 1989.
- Гумилев Л.Н.* От Руси к России. М.: АСТ, 2004.
- Гумилев Л.Н.* Черная легенда: Друзья и недруги Великой степи. М.: Айрис-пресс, 2005.
- Гумилев Л.Н.* Древняя Русь и Великая степь. М.: Айрис-пресс, 2009.
- Гуревич А.Я.* Избранные труды. Древние германцы. Викинги. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2007.
- Дживелегов А.К.* Средневековые города в Западной Европе. М.: Книжная находка, 2002.
- Джонс Г.* Викинги. М.: Центрполиграф, 2007.

Дугин А.Г. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. Мыслить Пространством. М.: АРКТОГЕЯ-центр, 1999.

Дуглас Д.Ч. Норманны: от завоеваний к достижениям: 1050–1100 гг. СПб.: Евразия, 2003.

Зимин А.А. Реформы Ивана Грозного. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1960.

Зимин А.А. Витязь на распутье: Феодальная война в России XV в. М.: Мысль, 1991.

История Европы. Т. 2. Средневековая Европа. М.: Наука, 1992.

Камерон Р. Краткая экономическая история мира от палеолита до наших дней. М.: РОСПЭН, 2001.

Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. V. М.: Наука, 1993.

Каратини Р. Катары. М.: Эксмо, 2010.

Каргалов В.В. Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси. Феодальная Русь и кочевники. М.: Высшая школа, 1967.

Кардини Ф. Истоки средневекового рыцарства. М.: Прогресс, 1987.

Каррер д'Анкокс Э. Незавершенная Россия. М.: РОССПЭН, 2005.

Капитанов С.М. Финансы средневековой Руси. М.: Наука, 1988.

Кёнигсбергер Г. Средневековая Европа: 400–1500 годы. М.: Весь мир, 2001.

Клюг Э. Княжество Тверское (1247–1485 гг.). Тверь, 1994.

Ключевский В.О. Сочинения. Т. 1. Курс русской истории. Ч. I. М.: Мысль, 1987.

Ключевский В.О. Сочинения. Т. 2. Курс русской истории. Ч. 2. М.: Мысль, 1988.

Коломиец А.Г. Финансовые реформы русских царей. От Ивана Грозного до Александра Освободителя. М.: Вопросы экономики, 2001.

Константин Багрянородный. Об управлении империей. М.: Наука, 1991.

Контамин Ф. Война в средние века. СПб.: Ювента, 2001.

Контлер Л. История Венгрии. Тысячелетие в центре Европы. М.: Весь Мир, 2002.

Корсунский А.Р., Гюнтер Р. Упадок и гибель Западной Римской империи и возникновение германских королевств (до середины VI в.). М.: МГУ, 1984.

Костомаров Н.И. Начало единодержавия в Древней Руси // Вестник Европы. 1870, декабрь.

Кривошеев Ю.В. Русь и монголы: Исследования по истории Северо-Восточной Руси XII–XIV вв. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2003.

Кулишер И.М. История русского народного хозяйства. Челябинск: Социум, 2008.

Кучкин В.А. Города Северо-восточной Руси в XIII–XV веках (Число и политико-географическое размещение) // История СССР, № 6. 1990.

Кучкин В.А. Города Северо-восточной Руси в XIII–XV веках (Крепость и посад; городское население) // История СССР, № 2. 1991.

Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. М.: Прогресс, 1992.

Ле Гофф Ж. Рождение Европы. СПб.: Alexandria, 2007.

Ловмянский Х. Русь и норманны. М.: Прогресс, 1985.

Мак-Нил У. В погоне за мощью. Технология, вооруженная сила и общество в XI–XX веках. М.: Территория будущего, 2008.

Мельянцеv В.А. Восток и Запад во втором тысячелетии: экономика, история и современность. М.: МГУ, 1996.

Морган К., ред. История Великобритании. М.: Весь мир, 2008.

Муравьев А.В., Сахаров А.М. Очерки истории русской культуры IX–XVII вв. М.: Просвещение, 1984.

Насонов А.Н. Монголы и Русь. История татарской политики на Руси // Насонов А.Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. Монголы и Русь. СПб.: Наука, 2002.

Норвич Д. История Венецианской республики. М.: АСТ, 2009.

Норт Д. Понимание процесса экономических изменений. М.: Государственный университет — Высшая школа экономики, 2010.

Оке Ж-К. Средневековая Венеция. М.: Вече, 2006.

Опль Ф. Фридрих Барбаросса. СПб.: Евразия, 2010.

Пацуто В.Т. Внешняя политика Древней Руси. М.: Наука, 1968.

Пиренн А. Средневековые города Бельгии. СПб.: Евразия, 2001.

Плано Карпини Дж. дель. История Монгалов. М.: Мысль, 1997.

Пушкин А.С. Сочинения в трех томах. Т. 1. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1955.

Ратт Ф. Священная Римская империя германской нации. СПб.: Евразия, 2008.

Рюка А. Средневековая Испания. М.: Вече, 2006.

Рыбаков Б.А. Ремесло древней Руси. М.: Издательство АН СССР, 1948.

Сахаров А.М. Горда Северо-Восточной Руси XIV–XV веков. М.: МГУ, 1959.

Слово о полку Игореве // Повести Древней Руси XI–XII века. Л.: Лениздат, 1983.

Скрынников Р.Г. Русская история IX–XVIII веков. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2006.

Соловьев С.М. Сочинения. Кн. I. История России с древнейших времен. Т. 1–2. М.: Мысль, 1988.

Соловьев С.М. Сочинения. Кн. II. История России с древнейших времен. Т. 3–4. М.: Мысль, 1988.

Тихомиров М.Н. Древнерусские города. М.: Государственное издательство политической литературы, 1956.

Тойнби А. Постижение истории. М.: Прогресс, 1991.

Толочко П.П. Кочевые народы степей и Киевская Русь. СПб.: Алетей, 2003.

Феннел Д. Кризис средневековой Руси. 1200–1304. М.: Прогресс, 1989.

Флекенштейн Й., Бульст-Тиле М.Л., Йордан К. Священная Римская империя. Эпоха становления. СПб.: Евразия, 2008.

Франклин С., Шепард Д. Начало Руси: 750–1200. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000.

Фроянов И.Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1980.

Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю. Города-государства в древней Руси // Становление и развитие раннеклассовых обществ. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1986.

Хорошкевич А.Л. Русь и Крым: От союза к противостоянию. Конец XV — начало XVI вв. М.: Эдиториал УРСС, 2001.

Хрусталева Д.Г. Русь: от нашествия до «ига» (30–40 гг. XIII в.). СПб.: Евразия, 2008.

Черепнин Л.В. Образование русского централизованного государства в XIV–XV веках. М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1960.

Эйдельман Н.Я. «Революция сверху» в России. М.: Книга, 1989.

Эко У. Баудолино. СПб.: Симпозиум, 2003.

Янов А.Л. Россия и Европа. 1462–1921. В трех книгах. Кн. 1: Европейское столетие России. 1480–1560. М.: Новый хронограф, 2008.

Дмитрий Травин

У истоков модернизации:
Россия на европейском фоне
Препринт М-19/10

В авторской редакции

Корректор — Е.А. Пережогина

Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге
191187, Санкт-Петербург, ул. Гагаринская, 3
books@eu.spb.ru

Подписано в печать 14.10.10
Формат 60x88 1/16. Тираж 50 экз.

**Центр исследований модернизации
Европейского университета в Санкт-Петербурге**

Центр создан в августе 2008 года в целях развития междисциплинарных сравнительных социальных, экономических и политических исследований. Задачами М-Центра являются реализация научно-исследовательских программ и проектов по направлениям его работы, создание и поддержание интенсивной и эффективной коммуникативной научной среды, содействие подготовке и повышение квалификации молодых ученых, подготовка и распространение научно-исследовательских и экспертных публикаций, ориентированных на научное сообщество и на широкую общественность.

В составе М-Центра работают специалисты,
участвовавшие в подготовке коллективных монографий:

Травин Д., Маргания О. **ЕВРОПЕЙСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ**
в 2 кн. М.; СПб.: АСТ, Terra Fantastica, 2004.

Маргания О., ред. **СССР ПОСЛЕ РАСПАДА**
СПб.: «Экономическая школа» ГУ ВШЭ, 2007.

Добронравин Н., Маргания О., ред. **НЕФТЬ, ГАЗ, МОДЕРНИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА**
СПб.: «Экономическая школа» ГУ ВШЭ, 2008.

Президент М-Центра — кандидат экономических наук **О.Л. Маргания**
Научный руководитель М-Центра — кандидат экономических наук **Д.Я. Травин**
Исполнительный директор М-Центра — кандидат политических наук **В.Я. Гельман**